

1784

4-4
Рос 1-627

№ 51-й.

МАРТ 1924 г.

Цена 15 цент.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
- ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ :

Мартовские дни.
 Ассоциация — организация.
 "История Махновского Движения" П. Аршинова.
 Карнавалы смерти.
 Первое Международное Товарищество Рабочих.
 "Единство" пролетариата.
 Мученица — Россия. (Стихотворение).
 Переходная стадия и социальная революция.
 Государство, порядок и нравственность.
 Французское рабочее движение.
 Бюллетень.
 Отчеты и заявления.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ ЗА ФЕВРАЛЬ МЕСЯЦ 1924 ГОДА.

ПРИХОД:

Ели — т "В"	7.50
То-же лит.	15.00
С. Бет — м "В"	7.50
Фил — я "В"	10.00
Бос — н "В"	19.45
Чик — о "В"	5.60
То-же лит.	7.45
С. Лу — е лит.	14.00
То-же "В"	1.00
П. Ро — н К. "В"	4.00
Мик. Кет. Р — к "В"	40.15
То-же, лит.	3.55
Н. Кес — л "В"	25.90
Дет. гр. № 1-я Фонд "В"	8.00
То-же, "В"	13.35
А. Сад — ски фонд "В"	1.50
Н. И. фонд "В"	13.20
Гр — нт фонд "В"	1.50
Н. Ге — н фонд "В"	7.35
Анс — ия фонд "В"	3.45
Мер — н фонд "В"	1.80
Итого	211.250

РАСХОД:

Пиздание журнала № 50	159.00
Рассылка	12.50
Мелкие расходы	1.80
Клише (П. А. Кропоткина)	5.50
Итого	178.80

Приход — 211.25

Расход — 178.80

Дефицит с Февраля месяца — 2.29

Итого общ. расхода — 181.09

В кассе на Март месяц — 30.16

ЗАЯВЛЕНИЕ ПИТ—КОГО РАЙОНА.

Доводим до сведения всех товарищей Пит-кого Района, что на последней Районной Конференции было решено: — Так как Пит—кий Район всегда получает 50 экз. "В.", то деньги следующие за это количество высывать полностью сейчас же по получении журнала, т. е. прежде его распространения.

Вместе с тем просим товарищей присылать делегатов на Районные Конференции, когда таковые созываются.

С тов. приветом Пит—кий Район А. К. Г.

Д 1794

Рос 4-4
1-624

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-185

МАРТОВСКИЕ ДНИ.

Каждый месяц чем-либо выделяется из общего числа всех двенадцати месяцев, но не каждый одинаково: один — больше, другой — меньше. К числу первых без сомнения принадлежит месяц март. В истории март отмечается так часто и при том такими крупными штрихами, что о "мартовских днях" можно говорить и говорить. Мы, однако, в данном случае не намерены касаться всех "мартовских дней": отметим лишь некоторые из них, — наиболее нас интересующие и наиболее нам близкие.

* * *

Прежде всего следует остановиться, хотя бы кратко, на сущности и значении Парижской Коммуны. Парижская Коммуна безусловно является самой возвышенной точкой в перспективе развития социальных идей и общественной мысли XIX века. Она — ореол, вышка всего столетия. Она — полдень, когда солнечные лучи особенно ласкательны и когда воздух особенно пресыщен ароматом. Правда "полдень" этот был слишком мгновенен и легкокрыл. Слишком скоро набежали серые тучи и прервали улыбнувшийся луч. Но все же... все же, несмотря на это:

..... жизнь
Без этих дней
Была-б печальней и мрачней.

Так говорил страстный юноша словами великого русского поэта, для которого (для юноши) три дня, проведенные на свободе, были дороже всей жизни, протекшей в мрачных монастырских стенах... Так — невольно — хочется сказать, думая о Парижской Коммуне. Без нея, без Парижской Коммуны, XIX-е столетие было бы куда печальней и мрачней!

Правда, следует также отметить и то, что Парижская Коммуна по своим проявлениям не вполне соответствовала своему названию. В этом отношении она была гораздо ближе к федерали-

зму, чем к коммунизму, так как в основу своей деятельности прежде всего клала политический принцип вольного и независимого города, а экономический принцип — обобществление средств производства и потребления и вообще экономические вопросы откладывала в долгий ящик.

Но суть в данном случае не в этом. В данном случае важно и интересно не столько то, что делала и какие меры проводила Парижская Коммуна, сколько сам факт ее осуществления, сама возможность достичь этого. Эти последние соображения сами по себе, без их дальнейших последствий и достижений, не лишены известной ценности, так как они способствуют укреплению твердой убежденности, как в присущность стремлений к возвышенным идеалам, так и в возможность реализации этих стремлений. Глядя на Парижскую Коммуну, никто не может усумниться в возможности изменения существующих общественных соотношений, никто не может сказать, что для этого нет необходимых предпосылок, нет сил и мощи... Парижская Коммуна наглядным примером доказывает, что силы и мощь имеются, — и имеются в достаточном количестве, если можно так выразиться. Парижская Коммуна без преувеличений подтверждает, как легко и скоро можно преодолеть все преграды и препятствия, — стоит только захотеть. В несколько часов Париж без особого труда сбросил с своей шеи ношу буржуазного правительства и выпрямился во весь рост. И если бы вся Франция оказалась на одном уровне и последовала примеру Парижа, то несомненно, что спустя несколько дней вся страна была бы свободной. Но, к сожалению, этого не случилось. Эхо парижского восстания откликнулось в слабой степени лишь в нескольких городах; остальное же население страны, находясь под влиянием буржуазных и консервативных элементов и, глав-

ным образом, под влиянием духовенства, не поддержало славного поступка парижан. Париж оказался один в неравном поединке и не мог устоять. Он пал, терзаемый хищным Тьером и обремененный горячей кровью своих верных сынов.

Ценность Парижской Коммуны следует так же учитывать и в том отношении, что она констатирует наличие недовольства существующим капиталистическим строем и готовность проявления этого недовольства во всеуслышание. Следует, правда, согласиться, что обогатившиеся, побудившие парижан к проявлению своей активности, были ординарны и своеобразны. Прежде всего — удручающее и отчаянное положение вследствие войны. Потом — распластанность страны у ног прусского юнкера и нахальное бряцание оружием последнего. Вследствие всего этого, можно даже предположить, что в парижском восстании была некоторая доля сознания национального достоинства. Однако это будет лишь одна из мельчайших частных; главная же и основная суть совершенно не в этом. Причинная нить Парижской Коммуны выходит гораздо дальше сферы франко-прусской войны 1870 г. Она (причинная нить) простирается далеко "назад", вглубь пройденного. Как велико это пройденное, как много оно охватывает, трудно, разумеется, сказать; но несомненно, что эмбрионы Парижской коммуны были уже налицо во время революции 1789 г. Уже тогда по всей Франции прокатилась идея свободы, равенства и братства, которую Парижская Коммуна, собственно говоря, и пыталась претворить в действительность.

Начиная с конца XVIII века Франция представляла собой клочковатый вулкан. Она бурлила, возобновалась, тревожилась за добытые облегчения. Сброшенное революцией дворянство, понятно, не могло мириться с своим положением. Оно пыталось разными средствами, в том числе и поддержкой восточных реакционных монархий (России, Пруссии и Австрии, составивших одно время Тройственный Союз), вернуть утраченные привилегии. Народу поэтому приходилось не раз вставать с оружием в руках; не раз приходилось сбрасывать и гнать правительства, начинавшие злоупотреблять народным доверием.

К общему горю, на место прогнанного правительства всегда приходило другое, которое только в начале клялось в верности и честности, а как только укреплялось — оно в свою очередь начинало злоупотреблять народным доверием и тем самым опять восстанавливать против себя народ. Народу, таким образом, приходилось снова и снова прибегать к оружию, к баррикадам и удалять потерявшее к нему доверие правительство. Несомненно, что это недоверие и недовольство правительством было одной из главных причин восстания 18-го марта 1871 г. Правительство проводило меры, явно противоречащие населению Парижа. Оно (правительство) отменило жалование национальной гвардии, организованной общими усилиями Парижа, и тем самым обрекло на голод, как самих гвардейцев, так и их семьи, ибо найти какую-нибудь работу в Париже было немислимо.

Оно (правительство) предоставило юридические права домовладельцам взыскивать с измученного войной и осадой населения Парижа квартирную плату за все месяцы, т. е. и за месяцы осады (квартирная плата во время осады облегчалась рассрочкой). Помимо того, что бедное население не располагало возможностью платить, так как все вещи уже давно были заложены в ломбард, но подобный поступок со стороны правительства нарушал самые элементарные основы справедливости. Осада всякого города, как известно, причиняет его жителям немало страданий и лишений. Естественно поэтому, чтобы эти лишения ложились на все население города. Взыскивая же квартирную плату, домовладельцы тем самым ничего не теряли: вся тяжесть падала исключительно на жильцов домов, при том больше всего на бедных, так как они составляют наибольший процент жильцов в чужих домах.

Чаша терпения, таким образом, переходила рубикон. Население Парижа вынуждено было встать против несправедливых мер правительства. И оно востало...

Но кроме этих трений между населением и правительством, Парижская Коммуна обязана и иным предпосылкам: это — трения среди самого общества. Устранив феодальные и кастовые разделения и предрассудки, Франция вступила

в начале XIX в. в полосу быстрого развития капитализма. С развитием же последнего общественные неравенства и разноречия, конечно, не исчезали, а лишь принимали другой вид. В большинстве случаев те же бесправные и безвольные рабы в смысле политическом оставались такими же бесправными и безвольными рабами в смысле экономическом. Сменились только господа: место дворянства заняла буржуазия. Государство, как и прежде, служа сильным мира сего, проводило законы или предпринимало меры, выгодные лишь той партии, которая являлась господшей положению. Оно, защищая интересы крупных землевладельцев, устанавливало высокие покровительственные пошлины на ввозимый в страну хлеб. Оно, угождая аппетитам крупных промышленников, вело усиленные войны с целью захвата новых рынков. Как в том, так и в другом случае, вся тяжесть подобных мероприятий целиком ложилась на бедное население страны. В первом случае — высокие продовольственные пошлины способствовали созданию дороговизны внутри самой страны, которая (дороговизна) прежде всего хлещет бедное население. Во втором случае — ведение захватнической внешней политики требовало, во первых, людей для армии, которые берутся преимущественно из среды бедного населения, и, во-вторых, средств на военные расходы, что опять таки выколачивается с бедного населения в виде разных налогов. Помимо этого, буржуазия, поставив прибыль целью своей деятельности, старалась как можно больше выжать пота и крови из наемных рабочих; старалась как можно большую часть населения разорить, довести до нищенского состояния, — старалась, ибо прекрасно сознавала, что чем больше будет бездомных людей, готовых пойти работать за какую угодно плату, тем больше будут ее барыши.

Все предпосылки для общественных трений и осложнений были, таким образом, налицо.

И действительно, трения продолжались, временами принимая грозный и бурный характер. Жадность буржуазии и реакционные меры правительства вынуждали рабочих братья за оружие и силой отстаивать свою честь. Продолжением этой борьбы, несомненно, в значительной

мере и является Парижская Коммуна. Парижские рабочие, восставая 18-го марта 1871 года, еще помнили те раны, которые нанесла им буржуазия в июньские дни 1848 года; и они горели желанием отблагодарить буржуазии за проявленную ею жестокость в побойках 1848 года.

Не всегда, к сожалению, рабочие, восставая, имели свои определенные цели. Часто они связывали свои интересы с интересами других и боролись под знаменами этих последних. В 1830 г. они даровали победу крупной буржуазии, а в 1848 г. способствовали укреплению средней буржуазии. Во всех таких случаях с рабочими считались лишь до тех пор, пока они нужны были для разрушения старого, существующего; когда же старое было разрушено, когда прежние правительства падали, тогда рабочим говорили, что их миссия уже закончена, что они спокойно могут разойтись по домам, возложив все свои упования на новое правительство. Эта обманчивая тенденция до того укрепилась и привилась, что даже в 1871 г. проявилось нечто на подобие этого. Овладев быстро и доблестно городом, парижане не замедлили обзавестись правительством, которому и предоставили ведать всеми делами. Запершись в своих канцеляриях, оторвавшись от народа, от действия, правительство не только не могло разрешить многочисленных и разнообразных запросов, но часто в тех или иных отношениях являлось помехой. Например, какое либо дело, требовавшее безотлагательного выполнения, не могло быть выполнено прежде получения на то правительственного разрешения; а разрешение не всегда могло получиться во-время. При том, много ли компетентности могло проявить правительство там, где требовался личный опыт? Этой игрой и правительство парижане обрекали свое выступление в самом начале на неудачу. Правительство не могло ничего сделать там, где требовалась прежде всего инициатива самого народа. Оторванное от народа, чуждое его чувств и запросов, но в то же время считающее себя, как и всякое правительство, полным хозяином, коммуналистическое правительство только то и делало, что спорило и спорило относительно каких-либо второстепенных вопросов. Народ же тем вре

менем бездействовал и ждал... и почва Версаля для победы тем самым создавалась.

Но кроме того, что правительство своим наличием убивало народную инициативу, — игра в правительстве была опасной еще по соображениям "исторического" характера. Правительства, выросшие на волнах революции, часто, с горяча или по неопытности, проводили якобы облегчающие меры, которые приносили один лишь разлад и раздоры в той части населения, которая по своему социально-экономическому положению должна быть целым. Пресловутые национальные мастерские, открытые на правительственный счет в 1848 г., служат этому наглядным доказательством. Бесполезность и бестолковость этих мастерских стала очевидной тогда же (они были закрыты спустя несколько месяцев), а между тем они стоили огромных средств. На покрытие затраченных сумм, само собой понятно, пришлось обложить население — главным образом крестьянство — новыми налогами, чем и была проложена зияющая пропасть между городскими рабочими и крестьянами. Этим вероятно до некоторой степени и объясняется, почему крестьяне не поддерживали Париж в 1871 г. Имея "исторический" опыт, они (крестьяне), вероятно, опасались как бы новое коммуналистическое правительство опять не выбросило какой-нибудь "утки" и не затребовало от крестьянства усиленных налогов.

Как бы то ни было, но опыт Парижской Коммуны свидетельствует, что, имея хотя бы самые малейшие намеки на старые приемы, нельзя надеяться на успех. Если бы Париж, вместо игры в правительство, выбросил новые, определенные и всеобщие лозунги, то, быть может, он не остался бы на поле брани один. Но Париж этого не сделал. Он, влив в старые меха новое вино, ограничился тем, что дальше "домашних", локальных требований не пошел. Идея вольного и независимого города казалась ему вполне достаточной. Как ни благоорудна была эта идея, но остальное население страны не находило в ней ничего "для себя". В особенности же подобные чисто политические требования были не понятны крестьянству. В результате этого-то Парижу и пришлось так дорого заплатить.

Конечно, было бы большим немилосердием всю вину за гибель Парижской Коммуны приписывать Коммуне-же, — уж слишком суровы были условия, слишком холодна, камениста и "железна" была почва, чтобы нежный побег мог расти и развиваться. Да и кроме того, можно ли бичевать изнемогающего под крестом; можно ли, стоя у креста Распятия, читать ему нравоучительные нотации; можно ли хладнокровно производить химический анализ слез плачущей матери? Чье сердце позволит это; чья совесть не запротестует?.. — Думая о Парижской Коммуне, представляя ее измученную, в терновом венке, невольно хочется оставить все ее прегрешения; невольно хочется разделить ее муки и страдания, и, вместе с ней, возненавидеть ее губителей и душителей. Пусть же горит Парижская Коммуна священным огнем в сердцах наших! Пусть ее великомученический образ вдохновляет и благословляет нас на подвиг правый!

* * *

Первого марта (14 марта нов. стиля) 1881 года был убит тот, кто одно время являлся кумиром чуть ли не всей нации и кому Герцен "с того берега", — тот самый Герцен, который не вынес русского кошмара и бежал за границу, — в восхищении воскликнул в 1858 году: "Ты победил, Галилеянин!"

"Ты победил, Галилеянин!" и смерть от разрывного снаряда, — какая прония, какая злая шутка! А между тем — так было. Начав свое царствование смелыми реформами, Александр II тем самым окурл себя филламом величия. Ореол славы окружил его чело, ослепленно блистая в лучах восходящего солнца. Восторженные гимны и хвала царю гремели по всей стране. Имя Освободителя произносилось свято и с благоговением. Всюду кричали ему "осанна!" всюду путь устилали пальмами. Всюду курились алтари и шептались молитвы. Люди смотрели на Александра II как на избавителя, как на заступника, как на поборника света и истины. Чувствовалось дыхание чего-то светлого, чего-то великого. Чувствовалась близость лучших и светлых дней. Пылала надежда, открывая душу чарующими новыми далами. Трепетало сердце в предчувственные минуты. И виной все-

го этого был Александр II. Как же было не воскликнуть: "Ты победил, Галилеянин!" Как же было удержаться от радости...

Увы!.. Торжество продолжалось не долго. Начав царствование смелыми реформами, Александр II вскоре испугался деаний рук своих. Дух самодержца, дух тирана скоро заговорил в нем и заглушил порывы первых лет царствования. Под разными предлогами, под разными ссылками и исключениями, все прежние реформы свелись на нет. Положение крестьян по-прежнему осталось беспросветным: наделы были ничтожны, земля плохая, а выкуп за нее баснословный. Дворянство же, получив огромный выкуп за свои разорившиеся хозяйства, не чувствовало никакой утраты от уничтожения крепостного права. Некоторым это было даже на-руку, так как многие из промотавшихся дворян уже давно мечтали о продаже своих запущенных имений, и о переселении в столицу или о поездке за-границу. Исчез лишь — для виду — произвол пленных помещиков над крестьянами; но в действительности и этот "пробел" полностью пополнился, так как частный личный произвол был с лихвой заменен произволом законным, общим и систематическим. Дворянство по-прежнему стояло у двора, по-прежнему окружало трон и под предлогом призрака революции, проводило выгодные ему законы.

Словом, вся "раскрепощенная" страна по-прежнему стонала и задыхалась в тисках кошмара и бесправия.

Когда же было подавлено польское восстание "по новейшим методам жестокости", то подлинный образ Александра II вылился в полном свете: из Царя-Освободителя он стал Царем-Зверем, Царем-Тираном. И не даром тот же Герцен, при виде всех ужасов учиненных Царем-Освободителем над беззащитными поляками, писал: "Александр Николаевич, зачем вы не умерли два года назад. Вы остались бы героем в истории". Но царь уже шел своей дорогой, не прислушиваясь к "колокольному" звону "с того берега". Царь уже вел дряхлый корабль-Россию по пути реакции. Виселицы, казни, ссылка, пытки и т. п. "прелести" украшали страну от берегов Вислы до быстрого Амура. Туже и туже за-

тягивалась петля на шею народа, глубже и глубже в'едались в его тело административные рукавицы. Ночь, беспросветная ночь, надвигалась. Гасли звезды...

Но это была только одна сторона России — сторона кажущаяся, официальная. Другая же сторона — "внутренняя" — была иной. Внутри страны, в ее сердце, жизнь шла своим чередом — клочоча и волнуясь. Благие порывы, получив значительный толчок актом освобождения крестьян, с невозмутимой силой рвались вперед, разливаясь по необъятным ширям степей. Давящая рука сверху лишь усиливала это "внутреннее" клочотание. Люди, прежде смотревшие на Александра II как на освободителя, оставляли его; уходили "в низы", вливаясь в русло противозаконного течения. Таким образом, правительство своей реакционной политикой само же создавало и усиливало ту противодействующую силу, которая не замедлила вступить с ним в бой. Борьба прошла несколько стадий и достигла наивысшей точки 1-го марта 1881 года. Из этого генерального сражения победителем вышла сила "внутренняя", сила идущая из сердца России. Официальная Россия, Россия двора и дворянства потерпела поражение. Царь — главный воплотитель и вдохновитель этой России, пал на холодную мостовую. Бомба, брошенная цветущим 19-ти летним юношей П. Гривинским, сразила и метальщика и царя.

К убийству Александра II можно относиться разное (т. е. не с точки зрения — заслуживал ли царь смерти или нет — он ее безусловно заслуживал, — а с точки зрения целесообразности подобных посягательств). Можно тактику Народной Воли считать целесообразной и целесообразной. Точно так же можно (и следует) оспаривать программу — ее положительную сторону — "народовольцев". Но нельзя, независимо от всего этого, не восхищаться тем мужеством и благородством, тем бескорыстием и самоотвержением, какое проявляли русские революционеры 70 и 80 г. г. прошлого столетия. Нельзя не завидовать той искрящейся чистой вере, которая осеняла и укрепляла их в правоте своего дела. Особенно завидной и прельстительной кажется она в настоящее время, когда все раз-

меняно на мелочи, на копейки. Найти теперь Перовскую, Желябова, Кравчинского, найти В. Засулич, Лизогуба, Кропоткина и много, много им подобных, — является сказочной мечтой. Эпоха узкого практицизма и чревоугодия с шумом накатила и замаяла, заглушила возвышенные идеалы. Печной горшок всего стал дороже...

Вот почему оглядываясь назад, — на жизнь и деятельность того или иного революционного деятеля, трудно удержаться, чтобы не снять шапки и не сказать: мы не достойны тебя... Вот почему и трагедия 1-го марта 1881 года представляется обаятельной, если не по своей сущности, то по своим проявлениям, по своей "игре". Герои этой трагедии, отправляясь 1-го марта каждый на заранее условленное место, знали, что они идут на верную смерть; знали, что они добровольно опускаются в могилу. А между тем все они были молоды, цветущи и здоровы. У многих из них были родные, семьи и знакомые. У многих из них были богатства, почести и "счастье". Но они всем пренебрегли. Они поднялись выше личных благ, выше плетских прихотей и удовольствий. Они считали позором думать о еде в то самое время, когда миллионы людей голодают. Они считали преступлением пользоваться привилегиями в то время, когда миллионы людей бесправны. Они предпочли смерть подобной жизни. И они гордо понесли свои цветущие жизни под пули и картечь, с надеждой, что вместе с ними падет и тот, кто являлся главным виновником всех бедствий, и по чьему велению тысячи людей были убиты, замучены и заточены.

В этом — достоинство "первомартовцев". Да и не одних только "первомартовцев". В этом слава всех русских революционеров.

* * *

Долго шел кровавый поединок между русским самодержавием и русским народом. Долго самодержавие одерживало, — по крайней мере физически, — верх в этой борьбе. Много раз оно огнем и мечом скашивало людей, как траву. Много раз оно заливало страну кровью и устилало костями. Зверства его были страшны и неопишуты. Тысячами оно гнало людей в холодную Сибирь; тысячами морило в тюрьмах; тысячами

расстреливало и вешало. Порой кошмар был до того ужасен, что казалось ему не будет конца. Казалось, что эта тысячеголовая гидра непобедима; что она всех пожрет, все истребит.

Но народная сила оказалась сильнее. То с грозным ревом, то невидимым образом накачивалась она на царский трон, с каждым разом расшатывая его все больше и больше. Трон шатался... и 12 марта (27 февраля ст. стиля) 1917 года рухнул, как картонный домик. Казавшаяся его мощность оказалась простой мишурой. Оказалось, что трон уже давно утратил всякую почву в народе и держался исключительно на штыках. Штыки же могли быть надежной опорой лишь в исключительных случаях. Русская армия, как и вся страна, не представляла из себя чего-то целого, тесно спаянного. Армия, как и страна, была расслоена и неравна. Верху армии, как и верхи общества, кутили, буйствовали, бесчинствовали и драли вверх носы; а ее низы, как и низы общества, были бесправны, "казенны", — терпели, страдали и "внутренне" роптали. Только в такой армии в несколько минут можно было уничтожить дисциплину клочком бумаги (декретом), как недавно, отвечая поклонникам дисциплины в царской армии, заметил А. Ф. Керенский. Дисциплины, в собственном значении этого слова, в царской армии не было. То, что обыкновенно называлось дисциплиной, была не дисциплина, а простое принуждение, грубое нагоняние страха. Солдаты повиновались и шли за своим начальством не по личным, внутренним побуждениям, а просто из-за чувства страха. Личные побуждения подсказывали им совершенно иное: ненависть и отвращение к начальству. В "нормальное" время эта ненависть была тиха и мало приметна; не проявлялась или проявлялась каплями. Но когда подвернулись исключительные условия — война, стоящее море недовольства не могло больше оставаться в своем прежнем положении. Большая согнанность и стиснутость в одном месте одинаково настроенных людей; возбуждаемость, грусть и острота переживаний. — все это стимулировало и раскачивало солдатское недовольство. Палала, таким образом, последняя опера самодержавия.

А между тем волна, идущая изнутри страны, все больше и больше накатывалась на трон. Однообразная и реакционная политика правительства, не считающаяся с поступательным ходом жизни, лишь усиливала этот внутренний напор, лишь ускоряла приближение финала.

Проходили целые десятки лет, — два, три поколения, — а правительство ни в чем, — в особенности же в земельной политике, — не предпринимало никаких изменений. Наделы оставались те же самые, несмотря на то, что население значительно увеличилось. И если прежде, после наделов, среди крестьян были безземельные, то в последнее время число их удвоилось. "Курицы негде выпустить", — неслось со всех сторон России. Но правительство затыкало уши или делало позу, что "все обстоит благополучно". На мольбы крестьян о земле оно посылало в деревни пули и нагайки. На требование света и просвещения — насаждало monopoly и драло с крестьян разные поборы. Крестьяне массами разорялись. Многие из них оставляли свои очаги и пускались в чужие им неведомые страны, чтобы добыть себе и своей семье кусок хлеба. Другие странствовали по России, составляли кадры голодного и неимущего пролетариата. Положение последнего тоже было отчаянно: низкая заработная плата, длинные рабочие часы и частые кризисы. Находясь под крылышком самодержавия, капиталисты эксплуатировали рабочего самым беззастенчивым образом. Война и неудачи на фронте лишь подливали масла в огонь. Военными операциями правительство продемонстрировало перед народом, вкупе с своими жестокостями и мошенничеством, и свою бездарность... Народ восстал...

Быстро и скоро была выполнена отрицательная, т. е. боевая сторона революции. Самодержавие пало, не оказав сколько-нибудь серьезного сопротивления. Этим свидетельствуется, что в народе касательно этой части программы была определенность и согласованность. Здесь все сходилось на одном: — на уничтожении старого порядка. Здесь у всех была одна точка соприкосновения: — самодержавие. "Не нужно больше самодержавия", — говорили все и этим самым как бы связывали, как бы сочетали свои

интересы. Поэтому то самодержавие и было так легко преодолено.

Нельзя однако сказать, чтобы подобное единство наблюдалось дальше. Когда общая задача — свержение самодержавия — была выполнена, — интересы разошлись. На арену выступила положительная часть революции, т. е. осуществление того, ради чего каждый боролся с самодержавием. Естественно, каждая партия или группа старалась влить еще бесформенное содержание революции в свой сосуд. Началась партийная грызня. Одни требовали диктатуры пролетариата; другие демократической республики; третьи — просто конституционной монархии. Народ — в его массе — этой грызней мало интересовался, так как у него нет ничего общего с политическими партиями; но уже заранее можно было предвидеть, что победит та партия, "лозунги" которой больше других отвечают настроению народа. Партия большевиков правильно угадала этот момент, и она выиграла битву.

Крестьянам дороже всего была земля, — большевики говорили: "земля — крестьянам". Рабочие больше всего интересовались индустрией, в которой они работают, — большевики говорили: "фабрики — рабочим". Крестьянам и рабочим надоела ненавистная им война, — большевики говорили: "долгой империалистическую войну".

Словом, "лозунги" вполне отвечали основным требованиям народа. Народ если и не принял их со строгостью монаха, то во всяком случае был до некоторой степени убаюкан, и вот уже седьмой год расплачивается за свое, хотя бы индифферентное, согласие. Партия, почувствовав прочность, не церемонясь заговорила с народом и языком государства, и языком хозяина. Языком государства тогда, когда вводит известные политические подразделения и ограничивает некоторых жителей в гражданских правах. Языком хозяина тогда, когда она считает, что рабочий работает на ее фабрике, а крестьянин пашет ее землю, и на основании этого забирает от первого так называемую прибавочную стоимость, а от второго — земельную ренту.

Такое положение вещей, конечно, долго продолжаться не может. Противоположность интере-

сов рабочих и крестьян интересам партии неизбежно приведет к конфликту. И, надо полагать, рабочие и крестьяне, — восстанут ли они в России или в другой стране, — не свяжут больше своей судьбы с судьбой политической партии. Опыт русской революции будет подсказывать,

что партии, стоящие на точке государственности, а равно и их аппарат — государство, одинаково не нужны и вредны интересам трудящегося народа.

Март, 1924 г.

АССОЦИАЦИЯ — ОРГАНИЗАЦИЯ.

Жан Грав.

"Индивидуальная пропаганда, инициатива, сопротивление большинству" — таковы аксиомы анархистов, они остаются правильными, пока их не развивают до крайности.

Конечно, индивидуум имеет право возстать против большинства, если последнее его угнетает. Нелепо надеяться быть услышанным большинством, чтобы получить возможность провести в жизнь то, что считаешь правильным. Прогресс совершается лишь при условии, если люди способствуют этому, а массы, напротив, всегда имеют тенденцию поддерживать уже существующий порядок. Обыкновенно меньшинство начинает борьбу и потом вовлекает в нее большинство. Но когда дело идет о переобразовании всего общественного строя, усилия индивидуальные становятся бессильными, пока они действуют изолированно. Индивидуальные действия полезны, как пример. Но для борьбы с установленной властью, поддерживаемой всеми признанными предассудками, всеми наследственными влияниями — необходима ассоциация всех способных сил, чтобы не быть слабее противников.

* * *

Ассоциация — всемогуща, но при условии, однако, что она представляет достойное число единомысленников. Вот почему в предшествующей брошюре я старался показать, как нелепо для борьбы иметь программу слишком запутанную различными пунктами.

Осмотримся вокруг. Всюду мы видим, что люди с одинаковыми интересами соединяются в группы, образуют одно целое и требуют испол-

нения своих решений. И это не только потому, как думают некоторые анархисты, что эти группы преследуют капиталистические интересы, но особенно потому, что объединенные в блок, добиваясь с терпением и постоянством проведения в жизнь своих целей, они представляют собою силу, с которой приходится считаться, хотя она и преследует частные интересы.

Возьмем для примера вопрос "Свободного обмена". Неправильно думать, что большинство капиталистов заинтересовано в образовании таможенных препятствий против своих иностранных конкурентов. Даже оставляя в стороне, как "количество, которым можно пренебречь", сорок миллионов потребителей, — только малое число плутов среди капиталистов извлекают выгоду из наложения пошлины на счет потребителей. Большинство капиталистов могли бы обогащаться на счет потребителей и без таможенной системы, которая напротив часто бывает для них помехой.

Однако, до сих пор таможенная система продолжает существовать, просто потому, что ее сторонники сумели объединиться и требовать проведения своей системы, — благодаря, правда, соучастию или глупости политиков, — в то время, как те, которые страдают от этой системы, хотя и составляют большинство, остаются бессильными защищаться, потому что действуют изолированно. С этими протестующими совершенно не считаются; хотя нет, их даже нельзя назвать протестующими — просто недовольные.

В предшествующей брошюре я рассказывал,

что существует "Лига Свободного Обмена", но каков бы ни был талант ее членов, недостаточно объединяться по подлюжинам, чтобы быть способными влиять на ход событий, действовать на общественное мнение. В некоторых случаях особенно необходимо быть многочисленными, а главное уметь действовать.

* * *

В этой же брошюре я приводил случай "Touring Club", которому с минимальной сложностью удалось совершить чудеса.

В науке, торговле, в промышленности существует множество ассоциаций, которые незаметно совершают важную работу в своей отрасли, и сумели добиться, что правительство уважает их интересы. Можно еще привести пример синдикализма. Долгое время синдикаты объединяли лишь небольшое число рабочих своей корпорации. Но потом, правда, после продолжительной и упорной борьбы они стали силой враждебной капиталу, так как умели действовать сообща.

Теперь когда они являются действительной силой, все-таки нельзя быть уверенным, что большинство из них, по крайней мере, объединяет почти всех рабочих своей отрасли. Но они не остались изолированными. Они сгруппировались в недрах с Г. К. Т., хотя они еще не могут требовать выполнения своих решений, но их боится капиталисты. С ними считается власть, от времени до времени угрожает их рассеять, но она даже не смеет пытаться привести свои угрозы в исполнение.

Разве эволюция существ в конце концов не служит примером силы ассоциации? Сознательно или инстинктивно ассоциацией пользуются в мире животном и растительном мире и благодаря этому некоторые низшие роды могут бороться и одолевая многие причины разрушения. Благодаря ассоциации сам по себе слабый и беспомощный человек мог бороться и противостоять сильным противникам, лучше его вооруженным для борьбы. *)

"Потому что он — разумное существо".

*) Смот. "Взаимопомощь" Кропоткина. "Борьба за существование и ассоциация".

Очевидно. Но разум не всегда достаточен, когда дело идет о борьбе с сильнейшим противником. С помощью разума человек понял пользу ассоциации, а с помощью ассоциации человеку удалось развить свой разум, так как он приобрел силы для борьбы с препятствиями среды, в которой можно было развиваться.

Для анархистов было бы очень важно отделиться немного от отвлеченностей и обратиться к действительности. Не отрекаясь от своих взглядов на индивидуальную инициативу, они должны понять раз навсегда, что если она хороша для развития охоты к деятельности, то она совершенно недостаточна, чтобы разрушить или преобразовать режим, который поддерживается только силой и может запретить инициативы, угрожающие ему прежде, чем те сумеют соединиться и стовориться.

Анархисты должны же понять, что инициатива, свобода, автономия — вовсе не означают изолированность и личный интерес; что авторитет и инициатива с помощью группировок может прибавить им действительную силу, хотя приверженцы власти говорят, что при образовании группировок и ассоциаций приходится отказываться от свободы и автономии.

Коснемся другого преувеличения, которое создало у многих занимающихся социальными вопросами их *credo* (символ веры): "что анархисты возстают против всякой организации, потому что они — анархисты".

Эта легенда, надо признаться, заключает в себе долю истины, так как некоторые из первых анархистов, более импульсивные, чем рассудительные, отождествили понятие организации с понятием власти, так как в жизни видели, что одно непременно сопровождается другим — и объявили себя противниками всякой организации.

Это заявление было с радостью поддержано толпой индивидуалистов, которые провозгласили обоготворение "Личности", высоко стоящей над чернью! Но они даже не могут приписать себе эту мысль, так как я вспоминаю, что читал в пьесе Понкард ("Шарлотта Кордэ", если не ошибаюсь) эту реплику Марата в ответ на предложение Робеспьера и Дантона образовать меж-

ду собой нечто вроде секретного триумвирата: "Индюки ходят стадом, но орел один парит в небе". Я не уверен, что цитирую его фразу точно, но смысл был таков.

Однако, это намерение индивидуалистов действовать изолированно — лишь простая болтовня. Конечно, они могут проповедывать массу истин, требующих все более индивидуальных действий, — разве я не слышал, как один из них объявил, что: "он никогда не является на условленное свидание, так как это лишает его свободы", — но в действительности, это — самая фанатичная толпа, которую я когда либо знал, строго придерживающаяся своего "Евангелия", всегда на буксире у своего нового "Сверхчеловека" — какого-нибудь помешанного, если не плута.

Когда дело идет о каком-нибудь затруднении, они умеют действовать сообща, дополняя недостаток доказательств шумом и нетерпимостью, умея маскировать свою малочисленность ловким рассеянием среди публики в зале и дисциплиной, которая является самым ярким противоречием их напыщенных речей об индивидуализме.

У индивидуалистов есть организация, хотя они не желают в этом признаться, правда временная, первобытная, но все-таки организация.

* * *

Некоторые анархисты, которые, боясь признать власть, особенно на словах, отталкивают теоретически всякую мысль об организации, приходят к необходимости действовать сообща, образовывать группы, сговариваться ввиду общих действий. Но они заявляют, что это — "свободное соглашение!".

Споры из за названий часто происходят у анархистов. Афоризм д-ра Стокмана во "Враге Народа": "Только один человек сильнее всего!" верен только в небольшом числе случаев, когда например индивидуум жертвует своей жизнью или свободой. Но его невозможно применить ко всем случаям. Надо тоже признать, что анархисты даже с помощью "свободного соглашения" не сумели создать ни одной организации, способной долго существовать. Их группы, образованные для пропаганды, хотя и были

многочисленны, скоро распадались в большинстве случаев.

В некоторых случаях, при особых обстоятельствах, анархисты умели соединить свои действия и добивались успеха. В других случаях, даже без особых усилий, приходили к соглашению, так как общность взглядов соединяла пропагандистов на одной платформе, что ценится гораздо больше, чем навязанная дисциплина. Но если этого довольно в обыкновенное время, когда дело идет лишь о развитии пропаганды, то для решения вопроса: "Как обеспечить успех социальной революции?" — этого совершенно недостаточно. Погруженные в вопросы настоящего, анархисты не умели смотреть дальше, вперед и приготовиться к важным событиям.

Когда разразилась война и создалось действительно революционное положение, анархисты обсуждали его издали, но видели лишь одну сторону вопроса, — жертвы разброшенности и личного интереса, они были бессильны перед делом, неспособны заявить о себе в удобный момент, когда для успеха необходимо полное согласие, соединение и общность действия, а они были рассеяны и не могли даже установить сношений между собой.

Группировки, которые согласно *credo* большинства анархистов, должны возникать при всяком революционном положении — так и остались в небытии. Захваченные врасплох положением, которое, они думали, достаточно разобрали, но которое представило им вопросы непредвиденные, далеко не сгруппированные для совместных действий согласно обстоятельствам, — анархисты оказались более чем когда-либо разобщенными и принялись обвинять друг друга, так как ничего не могли сделать лучшего.

Застигнутое врасплох так же, как и революционеры, правительство тоже ничего не умело делать, кроме глупостей, действуя по опыту на авось. Тем лучше, если принятые меры не причинили большого зла. Боясь черни, оно было обещано уступки социалистам и синдикалистам, в ответ на их содействие, но те даже не сумели потребовать гарантий исполнения этих обещаний. И когда опасность миновала, конечно, эти обещания были забыты. Ведь суще-

стует не только одна немецкая дипломатия, для которой обещания лишь клочки бумаж.

Общество бьется в ужасной грязи. Жизнь становится все более невозможной, население остается равнодушным, немым, принимающим все без возражения, и из его недр не выходит организаций, способных вылечить безпечность правительства — да безпечность ли это или политика разбойников? — или бороться с жадностью тех, которые жиреют на общественной нищете.

Однако, никогда еще не было более революционного положения, как то, в котором мы бьемся вот уже 6 лет. Крайнее, иначе называемые слепыми раскольниками, единственные, которые благоволят как-нибудь действовать, но они видят положение так, — как они хотят его видеть, а не каково оно в действительности, и говорят о необходимости совершить революцию, тогда как, если положение и революционное, то не только население не готово к революции, но нет даже действующего меньшинства, чтобы дать толчок этой революции. И что еще хуже — не существует никаких группировок, без которых всякая попытка революции будет безуспешной или кончится простой переменой власти, что то же самое.

Не правда ли лучшее доказательство, что безумно ждать, что события принесут разрешение этого вопроса. Они дадут случай действовать, облегчат условия борьбы, но не больше. И необходимо быть готовым к действиям, уметь разбираться в событиях и к ним приспособляться.

* * *

Если мы рассмотрим страны, где были совершены или были сделаны попытки к совершению революции в последнее время, мы придем к тому же выводу. Совершенно ли они не удались или добились своего — все это были попытки преждевременные, так как им не доставало группировок, способных заменить буржуазную экономическую организацию. В Германии, если после падения Вильгельма, социал-демократам удалось захватить его место, то только для того, чтобы продолжать его политику милитаризма и империализма. Захватив власть,

они расстреляли социалистов и коммунистов так же, как это могли бы сделать слуги кайзера; их революция не была социальной, а лишь простой переменой людей, стоящих у власти. Более передовые партии делали попытки их низложить. Если бы они удались, то победители все равно не смогли бы действовать лучше, — они не были бы организованы для социальной революции.

Если бы группировки, о которых я говорю, существовали бы, мне кажется, что благодаря революционному положению, созданному падением Вильгельма, эти организации могли бы произвести большие перемены в буржуазной организации, даже не прибегая к грубой силе, просто заняв места в разных отраслях управления.

В Венгрии некоторое время коммунисты были у власти. Пытались ли они осуществить социальные задачи? Бела-Кун был сделан диктатором. Этот Бела-Кун, если верить русскому анархисту, который его видел в деле в России, был во время русских событий пленником в России, как австрийский офицер. Произошел большевистский переворот. Тогда ему было поручено обуздывать пропаганду анархистов. Эти последние, в один прекрасный день были окружены в части города, где была их главная квартира, и когда все пути отступления были отрезаны, страшная бомбардировка была направлена на пункты их скопления, в то время, как огневая завеса уничтожала тех, которые пытались прорваться. Было ли это достаточной государственной заслугой, чтобы поставить Бела-Куна во главе социальной революции? В таком случае всякого Галифе надо столько же ценить.

В России стоящие во главе революции, — часть из них по крайней мере, так как по своему их личности страшно смешаны и неясны, имели революционное прошлое, более заслуживающее доверия. Но после захвата власти, они стали расстреливать анархистов за одно с другими революционерами. Прежде, для очистки совести они расстреляли также некоторых из буржуазии. Этого, кажется, было достаточно для большинства социалистов и даже некоторых анархистов, чтобы восхищаться ими и оправдать те слишком резкие действия по отношению к тем, которые не разделяют их взглядов. Единст-

ленно, что можно вывести из всех этих революций называемых социальными, — то, что революционеры первым делом старались заманить у власти тех, которых они низложили, и подражать им, требуя у населения исполнения своей воли, то-есть то, что характеризуют бывшие до сих политических революции. Революция же социальная должна дать другие результаты при помощи других способов действий.

* *

В России, где революционерам удалось удержаться у власти, были сделаны попытки уменьшить права капитала. Добились ли они этого? Я этого не знаю. Во всяком случае капитал не был уничтожен. Крестьянам была выдана, или вернее им не мешали захватывать землю. Зная нравы и обычаи русского населения, было бы легко привести крестьян к образованию земельных обществ, в которых земля владелась и разрабатывалась бы сообща. Вместо этого, им не мешали захватывать землю по личному усмотрению, приготавливая таким образом новый класс собственников, которые в будущем, если уже не теперь, сделались такими же реакционерами, враждебными ко всяким новым реформам, какими были французские крестьяне после революции 1789 года.

У крестьян есть советы, которые над ними наблюдают, но все равно они остаются полными хозяевами. Торговцы продолжают по прежнему скупать и барышничать, обогащаясь на счет тех, которые принуждены иметь с ними дело. Деньги продолжают быть регулятором обмена, господствуя в общественной жизни. Это с экономической стороны.

С точки зрения политической, существуют советы. Из сообщения Кропоткина мы знаем, что выборы нельзя назвать свободными. Совет — это только политическая машина. В общем, в настоящее время в России правят деспотизм и произвол. Если они не превышают власти царя, то лишь потому, что дальше уж некуда идти. Если правительство Ленина и Троцкого падет сегодня, преемнику Врангеля ничего не придется менять; только людей у власти. Надо же удовлетворить новые аппетиты, но стоит ли из-за этого жертвовать жизнями многих, что необ-

ходимо при всяком перевороте?

Что касается анархистов, которые, казалось, были значительной силой в России — что они сумели сделать? Не имея никакой политической организации, способной заменить буржуазную, они, кажется, продолжали ограничиваться пропагандой, агитацией, — но этого было недостаточно. Согласно своей же теории, они не могли взять в свои руки власть; если верить русскому товарищу, о котором я упоминал выше, они даже немного помогали большевикам захватить власть, надеясь при новом режиме иметь возможность продолжать свои действия и уничтожить в конце концов и новую власть.

По словам того же товарища, большевики сумели отделаться от них. Они не были все уничтожены, правда, Россия велика, и это маленькое событие произошло в Петрограде. В некоторых местностях анархистам удалось образовать автономные общины. Но на этом прекращаются все наши сведения.

* *

Революция характеризуется преобразованием экономических отношений: прекращение эксплуатации одного человека другим; передача в руки потребителей инструментов и других орудий производства; исчезновение ценностей в обмене продуктов потребления. Но это все происходит произвольно. Революция, которая в своем развитии не сумела произвести эти преобразования — революция неудачная, по крайней мере, как социальная революция.

Нельзя совершить революцию лишь с помощью теорий и добрых намерений, как бы хороши они ни были.

Надо образовать организации, способные заменить те, которые предполагается разрушить.

Упрек, что мы умеем действовать только в теории, нам часто бросается в лицо в течение нашей пропаганды; но большей частью из желания оправдать собственное вероотступничество. Но по каким бы причинам это обвинение ни делалось, оно содержит в себе долю истины.

Здесь я обращаюсь к теме, за которую я брался много раз задолго до войны: "революция может только очистить почву для новых учреждений. Она может развить только то, что прине-

сла в зародыше“.

Если теперь мы затеряны в массе, как это было в начале нашей пропаганды; если рассеянные, разединенные анархисты более, чем когда-либо стоят перед невозможностью совершить необходимое, — однако положение совсем не такое, как было.

Наше бессилие — лишь временное. Какова бы ни была грязь, в которой мы бьемся, как бы ни была сильна окружающая слабость, необходимо, чтобы жизнь вошла в колею, чтобы люди пришли в себя и началась бы борьба за освобождение индивидуумов.

Нет, сорок лет нашей борьбы и пропаганды не пропали даром. Если осталось мало анархистов, чтобы защищать свои идеи, то эти последние уже знакомы и поняты многими. Как много таких, которые отталкивают их в целом, но признают по частям, в массе мелочей, но пришли бы в ужас, если бы узнали, что они некоторым образом думают и готовы действовать

— как анархисты! Наши идеи заняли свое место в вопросе человеческого развития. Снова возникнут анархисты, которые, наученные ошибками своих предшественников, сумеют, может быть, осуществить организацию, что оказалось не под силу их предшественникам.

Одной из их ошибок было — очень много говорить о революции и не уметь к ней приготовиться; думать, что достаточно возмутить чернь, достаточно драться, прогнать правительство, повесить несколько капиталистов на газовых рожах — и сейчас же все само собой образуется самым лучшим способом.

Революции, которые совершались на наших глазах, я надеюсь, разочаруют в детских мечтах многих наших товарищей.

Какого рода группировки сможем мы найти и поставить на ноги, для того, чтобы ими заменить буржуазную организацию, если представляется обстоятельство? Это я буду обсуждать в следующей статье.

«ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ» П. Аршинова.

В. Худoley.

Книга т. П. Аршинова — “История махновского движения” — заслуживает большого внимания со стороны анархистов. Конечно, она не является полной историей этого движения, представляя собою лишь материалы по истории его, охватывающие то, что автор сам знает и сам видел. Она по необходимости отличается неполнотой материала и односторонностью освещения. Тем не менее мы приветствуем ее появление, как появление первой честной книги о махновском движении, дающей достоверный материал, опровергающий ту подлую клевету, которая о нем распространялась до сих пор.

И мы думаем, что т. Аршинов не будет ни удивлен, ни обижен, если читатель его книги, отраничившись похвалой ее, перейдет к оценке самого махновского движения, на основании даваемых им материалов. Книга по истории ведь и должна вызвать размышление не о самой се-

бе, а об описываемых событиях. Опровергать даваемые им факты — мы не собираемся, ибо книга дает лучший фактический материал. Дополнять? — Это дело непосредственных участников движения. Наше дело — оценка этого движения.

Переходя к оценке его, мы должны раз и навсегда расчленить две совершенно различные вещи, из которых складается махновское движение: партизанство, как таковое, и общественный строй махновцев. Прежде всего остановимся на партизанщине, которая выписала светлую, героическую страницу в историю революционной борьбы, независимо от тех идеалов, которыми она вдохновлялась.

Государственная власть, для достижения своих военных целей, опирается на регулярную армию. Антигосударственное движение может опереться только на партизанскую армию, ибо ре-

гулярной не может быть там, где нет государства. Почему это так, станет понятно, после выяснения различий между партизаниной и регулярной армией, причем эти различия характеризуют не каждое по отдельности, а взятые вместе.

Регулярная армия составляется путем принудительной мобилизации государством своих подданных, а партизанская — путем притока добровольцев, которые по своей воле мобилизовались и так же по своей воле могут и демобилизоваться. Другим признаком регулярной армии служит назначение командного состава органами власти, тогда как в партизанской армии всегда тем или иным способом обеспечивается желательный для каждой части командир. Третьим признаком служит дисциплина — беспрекословное исполнение приказов в регулярной армии и право обсуждения всех распоряжений командира — в партизанской.

Ясно, что там, где нет государственной власти, там не может быть принудительной мобилизации и нет дезертирства, ибо каждый имеет право уйти из части, когда пожелает; ясно, что без государственной власти не может быть назначения командиров, нежелательных для части и, что без государства не может быть дисциплины, ибо принцип свободного соглашения предполагает право обсуждения распоряжений командира. Следовательно, партизанство есть в основе своей антигосударственная, анархическая система ведения войны, которая в силу этого и отвергается государством.

До сих пор, когда государственники защищали идею государства, основываясь на необходимости организации регулярной армии на случай нападения буржуазного государства на революционное общество — мы могли противопоставлять им только свои теоретические рассуждения или об одновременности революции во всех странах или о возможности ведения партизанской войны с контр-революционным государством. Теперь мы имеем уже блестящий опыт партизанского движения, оправдавшего самые смелые расчеты анархистов.

Книга т. Аршинова рассказывает сколько времени и как держалась партизанская армия

т. Махно, воюя то на один, то на два фронта. И нам кажутся смешными и обывательски пошлыми утверждения, что мол, вот, как вы ее не хвалите, а все таки ее, когда понадобилось, легко и просто разбили в бою. Не надо забывать того, что партизанская армия, по численности не превосходившая двух корпусов (т. е. 80—90 тысяч бойцов), была раздавлена превосходными силами противника, бросившего в бой около десятка корпусов (чуть не 400 тысяч). При таких условиях, надо полагать, и регулярная армия тоже была бы разбита. "Сила солому ломит".

Нужна ли нам, анархистам, партизанская армия для победы над государством? Не получится ли тогда "военный анархизм", вводящий анархию путем кавалерийских и пехотных боев? Обывательский вопрос. Конечно, борьба с государством невозможна без вооруженной силы, а так как анархисты не признают государства даже в качестве переходной ступени, то ясно, что они могут создать не регулярную, а только партизанскую армию. Следовательно, партизанство — одно из главных, вернее, самое главное средство борьбы за анархию.

История учит, что революции, не умевшие создать вооруженной силы, гибли под ударами врагов. При этом надо учесть, что в современной гражданской войне недостаточно иметь в руках оружие и уметь стрелять, но нужно еще знать военное искусство, чтобы не сделать гибельных ошибок. История революционных восстаний полна таких ошибок, которые хорошо известны каждому офицеру правительственных войск, но, к сожалению, не известны участникам восстания.

Вспомним историю Парижской Коммуны. Во время осады Парижа прусскими войсками, рабочее население его было поставлено под ружье. Первоклассная Парижская крепость имела около 300 тысяч защитников (регулярная армия была взята в плен пруссаками). Правительство, после заключения мира с Пруссией, хотело разоружить рабочие батальоны Парижа. 17-го марта делается попытка отнять 2000 пушек, которыми располагали парижане, кроме крепостной артиллерии. Парижане отбили

потихоньку захваченные у них пушки и на следующий день объявили себя свободной коммуной. Правительство выводит из Парижа сорок тысяч своих войск, чтобы избежать их разложения, благодаря агитации и братанию с населением, бросив на произвол судьбы крепость. Парижская Коммуна имела в своем распоряжении армию, численностью почти в четверть миллиона и лучшую крепость в мире.

В это время начинаются такие же восстания в других городах Франции — Лионе, Сент-Этьене, Бордо, Марселе, Норбонне, Крезе и т. д. И вот Парижская Коммуна, вместо того, чтобы преследовать по пятам правительственные войска, разлагая и дезорганизуя их, а где надо к разбивая их, чтобы по уничтожении военной мощи государства придти на выручку своим товарищам, бьющимся за свободу в других городах, — она спокойно почует на лаврах, ограничиваясь выпуском воззваний. А правительство этим временем, уведя свои войска из Парижа, собирает верные ему части из других городов, и через две недели начинает наступление на Париж.

Командиры были настолько незнакомы с тактикой, что не позаботились ни об установлении связи в своих отрядах, ни об организации разведок для выяснения положения и передвижений вражеской армии. Весть о нападении правительственных войск вызвала бурю негодования. На площадях и по улицам раздался призывной сигнал трубы и бой барабана, собирая бойцов под знамена. Собралось около сорока тысяч вооруженных с тремя пушками и отряд тремя колоннами двинулся навстречу врагу. Коммунары не выставили авангарда (головной отряд, прикрывающий войска) и даже не произвели разведки. В результате они, совершенно неожиданно для себя, наткнулись на развернутый боевой порядок неприятеля, который открыл сильный ружейный и пулеметный огонь. Коммунары были разбиты на голову и участь движения была решена: стотысячная армия правительства заняла крепость и постепенно занимала город, тесня четверть миллионную толпу вооруженных парижан.

Итальянское движение 1920 г. в пользу

захвата фабрик было обречено на неудачу потому, что рабочие, захватив фабрики, караулили их, вместо того, чтобы от экономики перейти к политике и уничтожить военную силу государства. Они не знали, очевидно, что пассивная оборона представляет собою совершенно безнадежную вещь и что победить может только активный, нападающий, хотя бы даже потому, что ему принадлежит время и место сражения.

Большевики в России и фашисты в Италии вышли победителями из гражданской войны только потому, что сумели уничтожить вооруженные силы своих врагов. Так же и анархизм победит только в том случае, если он разобьет все военные силы государства. Никакими синдикатами этого не достигнешь. Все страшные слова синдикалистов и угрозы всеобщей стачкой, перед лицом правительственной армии, становятся смешны —

”Как разрумяненный трагический актер, Махающий мечем картонным“.

Дорого буржуазия заплатит рабочим за то, чтобы они разсуждали о мощи экономики, избегая создания своей партизанской армии, которая одна только несет смерть государству!

Особенно большое значение приобретает партизанство теперь, когда буржуазия не доверяет регулярным войскам и создает свои добровольческие отряды (фашизм, оргеш и т. д.). Армия, организованная путем мобилизации, может быть разложена антимилиитаристской агитацией. Добровольческую же буржуазную гвардию (фашизм, оргеш и т. д.) словом не проймешь. С нею надо разговаривать через переводчиков Винчестера (винтовка) и Максима (пулемет)!

Наши итальянские товарищи, повидимому, поняли это, когда в конце 1922 года стали создавать свои партизанские отряды под названием *arditi rossi* (красные ударники) или народные ударники. Однако строительство партизанской армии началось слишком поздно и она была разбита раньше, чем успела сложиться и окрепнуть.

Русские анархисты приступили к организации партизанской армии в 1917 г. Особного же успеха достигло партизанское движение

на Украине. К будущей революции мы должны подготовить основные кадры своей партизанской армии. Чтобы поставить это дело на твердую почву, необходимо прежде всего подвести некоторые итоги партизанского опыта и сделать выводы для будущей практики.

Формы, в которые облекаются принципы партизанства, необходимо пересмотреть. Принципы добровольности ясен сам по себе и ни в каких пояснениях не нуждается. Несколько сложнее вопрос о командном составе. Демократический принцип избрания командиров неприменим в обычных формах, ибо выборы на массовых собраниях выдвигают ораторов, говорунов, а не знатоков военного дела, которые редко блещут ораторскими талантами. По отзывам некоторых участников махновского движения, у Махно командиры по существу назначались штабом и утверждались собранием той части, в которую они назначались. Мы полагаем, что целесообразнее было бы, чтобы командиры мелких частей — отделений, взводов и рот, намечались бы из состава роты собранием командиров частей, составляющих роту, и утверждались бы общим собранием своей роты. Собранию командиров полка, в состав которого входит данная рота, предоставляется право отвода. Кроме того, каждый партизан сам может выбрать часть, в которую он вступает.

Вопрос о праве обсуждения распоряжений атаманов тоже не может подлежать никакому сомнению. Конечно, в момент боя не может быть собрания для обсуждения распоряжений, но если есть время до боя, то обсуждение вполне возможно. Что же касается обсуждения этих распоряжений после боя, во время отдыха, то таковое очень желательно, ибо служит лучшим способом преподавания тактики и подготовки командиров из среды части. Командование батальонов и полка выбирается собранием командующих ротами данного полка, как равно командующий армией и штаб его выбирается собранием полковых командиров. Т. к. в военной обстановке люди часто выбывают из строя, то при всяких выборах или назначениях необходимо проводить не одного, а нескольких человек на каждый пост с таким расчетом, чтобы по

выбытии одного, его место автоматически занял другой и часть не осталась бы без технического руководства.

Формирование частей целесообразно было бы производить посредством учебных команд, которые давали бы соответствующую подготовку и выделяли бы людей, годных для командования. Основные кадры партизанской армии могли бы составить военно-технические кружки анархистов, изучающие военное искусство. Кружок из 10—13 человек (отделение в составе атамана и двух—трех звеньев) мог бы быть развернут в случае надобности во взвод, состоящий из одного взводного атамана, 3 — отделенных, от 2 до 7 звеньев, считая по 4 в звене, всего от 28 до 88 человек. Затем, эта часть может быть развернута в роту, которая состоит из трех взводов, а каждый взвод — из трех отделений. В отделении бывает от 2-х до 7-ми звеньев из четырех человек. Таким образом, состав роты определится в составе: 1-го ротного атамана, 3-х взводных атаманов, 9 отделенных атаманов и от 72 до 252 бойцов в звеньях: а всего от 85 до 265 человек.

Каждая часть роты — взвод или отделение, может быть, посредством пополнения рядов, соответствующей подготовки партизан и подбора командного состава, развернута в более крупную часть, т. е. отделение — во взвод, взвод — в новую роту. Каждая рота может быть развернута в батальон и, затем в полк. Тогда батальон будет иметь 1-го батальонного атамана, 3-х ротных, 9 взводных, 27 — отделенных и от 216 до 756 партизан, а всего от 256 до 796 чел. Наконец, полк будет иметь 1-го полкового атамана, штаб из нескольких человек, 120 атаманов меньших частей (от батальона до отделения) и от 648 до 2268 партизан (в зависимости от количества звеньев в отделении), а всего от 770 до 2400 человек.

Смысл организационной работы, конечно, не в составлении счетных единиц, а в соответствующей подготовке руководящего состава. Кружок должен заблаговременно начать подготовку, чтобы знать местность, иметь готовый и разработанный план военных действий, учитывающий опорные центры противника, наиболее уяз-

живые места его, пути и средства сообщения и т. д. Такая подготовка должна быть начата за несколько месяцев до восстания, чтобы подготовить достаточное количество руководителей восстания, хорошо знающих где, что и как нужно делать при развитии военных действий. Вот почему нужны атаманы не скороспелые, испеченные в полчаса путем выборов, а знатоки военного дела, получившие соответствующую подготовку.

Кроме того, армия нуждается в технических отрядах специального назначения, которые могут быть подготовлены из среды анархистов, занятых в соответствующих отраслях промышленности. Так, кружки работников химической промышленности готовят отряды, знакомые с газовой обороной и газовой атакой. Конечно, для того, чтобы подготовить людей хорошо знакомых с этим делом, нужно не мало времени потратить на его изучение.

Затем, во время военных действий очень важно разстроить службу связи (телефон, телеграф, радио, почта, сигнализация) у противника и наладить ее у себя. Легче всего подготовиться к этому делу работникам электро-технической промышленности. Старательные рабочие, в особенности техники — могут подготовить основные кадры инженерных войск, необходимых для восстановления сооружений, нужных для передвижения войск, и для возведения укреплений в некоторых пунктах.

Далее, от работников сухопутного транспорта не требуется особой подготовки для того, что бы быть полезными во время гражданской войны. Но от работников воздушного флота (летчиков) требуется специальная подготовка для того, чтобы они стали большой военной силой. Нужны специальные военные летчики.

Наконец, все работники всех этих кружков должны знать хорошо подрывное дело и пулемет, имеющие оба большое значение в партизанской войне. Лица же, желающие изучать артиллерию должны получить достаточную подготовку по алгебре, геометрии, тригонометрии и топографии для того, чтобы не только уметь вложить снаряд и дернуть цепочку, но и знать раздельную (непрямую) наводку.

Организованная таким образом, партизанская армия будет много совершеннее крестьянской армии Махно, а следовательно и значительно боеспособнее и сильнее. По существу же она будет представлять дальнейшее развитие тех основных начал, которые были заложены в дружинах русских анархистов 1917-18 г.г. ("черная гвардия"), в отрядах "красных ударников" итальянских анархистов и в партизанском движении Махно. Это будет партизанство высшего типа.

Итак, на этом мы покончим с вопросом о партизанстве. Партизанское движение для нас — основной метод тактики революционного анархизма, а партизанский опыт Махно — блестящее доказательство высшей его целесообразности. Желательно только, чтобы кто-либо из участников махновского движения дал его военную историю. Махно мог бы это сделать в своем дневнике, если бы больше внимания обращал на отдельные боевые эпизоды, чем на воспоминание о том, за что он расстрелял пленных помещиков. Не в том дело, что кому-либо жаль их, а в том, что расстрелы безоружных никогда не отличаются красотой и героизмом и не могут ни вызвать вдохновения у читателей, ни научить их тактике партизанской войны. Воспитание же палачей не входит в задачи анархизма. А нам интересно было бы иметь именно такую историю партизанского движения, которая в то же время могла бы служить простым и общедоступным учебником партизанской тактики.

Совсем другое отношение должно быть с нашей стороны к общественному строю махновщины. Тов. Аршинов, чувствуя справедливость упрёка т. Мрачного в том, что общественный строй махновщины "по внутреннему своему содержанию ближе левому народничеству, чем рабочему анархизму", приводит доводы говорящие в пользу последнего мнения. Несомненно, левые социалисты-революционеры — Попов, Озеров, Веретельников, Красножен — прикнявшие к махновскому движению, вовсе не растворились в нем, как голословно утверждает т. Аршинов, а, наоборот, наложили на него такую яркую канючу печать возрождающейся государственности, что даже, такого полу-государственника (теоре-

тика переходной ступени) как т. Мрачный и то стошнило.

"Но махновщина не есть движение созданное анархизмом или им руководимое и направляемое. Нет, это в полной мере самобытное движение беднейшего крестьянства и рабочих — говорит сам т. Аршинов. — Оно зародилось в низах трудящихся в момент наиболее сильного устремления их к свободе и независимости и от начала до конца шло своим широким массовым путем". Ясно, конечно, что самобытность движения нисколько не обеспечивает его анархичности, ибо оно не преодолевает власти самобытных предрассудков.

Вот почему "Проект декларации революционной повстанческой армии Украины (махновцев)", безусловно тающий в себе идею "переходной стадии", отдает лево-эс-эровской государственностью. "Вольные советы" — это, конечно, государство пониженного типа с "распыленной властью". Самый факт представления "Декларации" на утверждение общественного рабоче-крестьянского и повстанческого съезда представляет грубое подражание созыву Учредительного Собрания или организационного Съезда Советов, которые вырабатывают конституцию государства. "Проект Декларации" есть по существу проект конституции махновского государства, создаваемого на основе децентрализованной и "распыленной власти" "вольных советов".

Элементы государственности в общественном строе махновщины были настолько ярко выражены, что северные анархисты разных те-

чений (начиная с анархо-синдикалистов и анархистов-универсалистов и кончая анархистами-коммунистами) единодушно упрекали его в "безвластном властничестве".

Разве нуждается анархическое общество для своего возникновения в разрешении со стороны какого-то съезда, который должен утвердить какую-нибудь конституцию. У нас одна "конституция" — свободный почин лиц и групп и добровольное соглашение. Анархическое общество создается свободным творчеством масс, лиц и групп, а не законодательной деятельностью съездов, хотя бы и беспартийных. Беспартийность, как известно, вовсе не есть анархичность. А если бы и анархисты пытались законодательствовать, то это говорило бы не в пользу возможности применения методов строительства анархии, а только за то, что они об-эс-эрились и забыли азбуку анархизма.

Итак, махновское движение должно получить двойственную оценку со стороны коммунистического анархизма. Партизанство есть возмуждающийся бакунизм. Оно должно войти составной частью в нашу тактику. Махновский опыт должен быть учтен и превзойден дальнейшей практикой. Здесь был заложен первый камень фундамента. Что же касается общественного строя махновщины, то он должен быть решительно отвергнут, как совершенно безжизненная и ублюдочная форма государственного строительства об-эс-эрившихся анархистов, на самом деле отошедших от анархизма, вступив на путь "безвластного властничества".

КАРНАВАЛЫ СМЕРТИ.

Гениальный безумец Ницше говорил когда-то, что все мировые явления нельзя рассматривать как виды эволюции. Во всех социальных процессах, как и в процессах космических, ничего нового, они являются лишь повторением того, что уже было однажды (1). Эту "теорию вечного возвращения" нельзя, конечно, назвать новой, ибо подобные же мысли встречаются также и в Древне-Индийской и Египетской мистике и философии. Подобное течение

мысли наблюдается так-же и в философии праба.

Можно, конечно, не соглашаться целиком с основными положениями этого учения, но все же следует признать, что в этом фаталистическом и детерминистическом учении есть некоторая доля правды. Не всегда наблюдается эволюция не только в мире духовном, но и в мире материальном. Велякая же социальная жизнь, подобно организму, подвержена всевозможным за-

болезненным. Во всех социальных явлениях наблюдаются иногда периоды упадка, разложения и смерти. Быть может, прав был поэтому и Шпенглер, когда сравнивал с живым организмом целые культуры и государства (2).

Всякая культура рождается и умирает. Умерла Египетская культура; железные когорты римских солдат снесли с лица земли Греческую культуру; величественный Рим погиб в том бешеном потоке развращенности, когда всякая мысль о справедливости считалась преступной; арабская культура погибла под невежественным владычеством турок; изменилось также и лицо Европы за несколько последних столетий. Пройдут века и карта ее будет, быть может, картой неведомой нам. Трудно, конечно, сказать, какие Судьбы правят вселенной.

Изучая также всевозможные формы социально-политической и государственной жизни, можно с большими основаниями утверждать, что история нас ничему не учит. Нельзя предвидеть, при современном духовном сознании человечества, ее даже ближайшего будущего; нельзя направить течение жизни к тому золотому веку, о котором мечтали поэты. И, как это ни абсурдно, как это ни бессмысленно, но все же кажется иногда, что не люди создают историю, а история создает людей, и что они являются как-им то жалким ничтожеством в ее жестоких и кровавых руках (3).

И если Шопенгауэр и Ницше отрицали историю, как науку, то в этом отрицании есть, очевидно, глубокий смысл и содержание. Достаточно для этого бросить беглый взгляд на те карнавалы безумия и смерти, которые повторяются очень часто в истории, и которые нас ничему не учат. Достаточно взглянуть на историю тех кровавых вакханалий, именуемых иногда революциями, чтобы убедиться в бесполезности истории.

Так, например, многие революционеры считали слишком тенденциозными и консервативными труды Карлейля и Тэна о французской революции, они идеализировали эту революцию и не находили в ней тех ужасов и кошмаров, которые были вскрыты этими историками. Для тех же лиц, которым пришлось пережить боль-

шевистскую революцию в России, более понятной кажется и французская революция. Понятен образ Робеспьера, бывшего фанатического противника смертной казни и такого же фанатического ее апостола и вдохновителя; понятна "деятельность" Трибуналов, казнивших людей сотнями и целыми тысячами только за то, что они были инакомыслящими, казнивших людей за то, что они продавали на улицах "контр-революционных" паяцев, казнивших за то, что люди представляли в своем доме право ночлега и убежища какой-нибудь несчастной проститутке, казнивших людей за то, что они находясь в тюрьме, устраивали заговоры против Республики. (4)

Нельзя, конечно, отрицать тех культурных общечеловеческих завоеваний достигнутых в эту кровавую эпоху, но нельзя так же и проходить мимо тех убийственно-отвратительных зрелищ, которые устраивались республиканцами и революционерами. Правда, эти французские карнавалы смерти несколько бледнеют, когда мы бросим беглый взгляд в глубину истории, в историю Древнего Египта, где революция протекала (около 2.000 лет до Р. Х.) в более мрачных и зловещих формах. (5)

Папирус некоего Ипувера говорит нам об этой революции следующее:

"Почтенные обитатели страны в горе, а некоторые ликут. Законы попораны, их нарушают на улицах нищие. Нищие дошли до положения богов. Золото, япис-лазурь, малахит на шеях рабынь, а знатные женщины говорят: если бы нам поесть! Оне печальны, ибо ходят в лохмотьях. Сын знатного происхождения не отличается больше от человека простого происхождения. Князья страдают и голодают, а бывшие слуги имеют слуг. Имевшие платья — в лохмотьях, не ткавшие на себя — обладательницы виссона. Не строившие для себя лодок — обладатели кораблей, а тот, кто владел ими, смотрит на них, но они уже не его. Тот кто не мог построить себе погребя, теперь хозяин палат. Неимевший хлеба владеет теперь закромами, его амбар переполнен чужим достоянием. Бедняки стали богатыми, а владельцы собственности нищими. Тот, у кого не было раньше по-

дчиненных, имеет рабов, знатный же человек исполняет чужие поручения. Одевавшие виссон подвергаются побоям, благородные дамы страдают как рабыни. Дети князей выбрасываются на улицы и разбиваются о стены домов и камни мостовых. Вчерашний раб покоится на роскошном ложе бывшего господина, пьет из драгоценных, чудно изукрашенных сосудов. Батрак, не помышлявший о лютне, владеет арфой.

"Убийства и ограбления стали обычным явлением. Людей убивают в домах, на крышах и в потребках. Запоздалых путников убивают ночью в дороге. Земля залита кровью. Покраснела от крови даже вода в Ниле. Человек выходит пахоть вооруженный щитом. Птицеловы шествуют в боевом порядке.

"Все гибнет. Раскрыто делопроизводство высшего суда. По великим палатам толпа ходит взад и вперед. Судьи убиты, чиновники разогнаны, их бумаги унесены, свитки писцов уничтожены. Общественные учреждения раскрыты настежь и налоговые листы похищены отсюда. Начальники стражи бегут. Порядок нарушен, Искусство и религия в упадке. Смех стал смехом от горя и о смерти перестали плакать".

Когда же мы вспоминаем наши русские революционные события, они нам кажутся в настоящее время какими то легендарными. Никакая человеческая фантазия не могла бы нарисовать нам те жуткие картины, которые были в России действительностью.

Шайка каких-то разбойников управляет государством. Всевозможные уголовные преступники стоят во главе всевозможных общественных учреждений. Садисты, идиоты и дегенераты являются вершителями русских судеб. Они господствуют в Трибуналах. Одним своим присутствием они наводят панический ужас на подземелья Лубянки. Они убивают людей десятками, сотнями, тысячами. Одних убивают за их благородное происхождение, других убивают за то, что они были учеными, были носителями культуры; убивают людей также за то, что они не хотели поклониться пришедшему "зверю из бездны"; бедняков убивают за то, что они приносили голодным детям кусок хлеба, чтобы они не умерли от голода. Людей, сколько нибудь сос-

тоятельных, эти убийцы топят в реке целыми сотнями, как заложников, а все их имущество делают между собой. Снимают перед казнью одежды с осужденного и "об одежде его метают жребий". Убиваются также и бывшие революционеры; их подвергают всевозможным пыткам и побоям даже в тюремных казематах. (6)

Общественные ценности разграблены. Культурные ценности уничтожаются. Творцы этих ценностей разогнаны и убиты.

Искусство погибло. Свобода растоптана их грязными ногами. Храмы осквернены дикими полчищами этих убийц и грабителей.

Разве не повторяются, таким образом, многие социальные события? Разве не наблюдаются в мировой истории эти победоносные шествия смерти, безумия и разрушения. И разве все эти кровавые карнавалы можно назвать человеческим прогрессом и революциями? И разве можно оправдать все эти события только потому, что они существуют.

Надо думать, что все эти события являются не эволюцией, но являются неизбежной гибелью и смертью для каждой нации, для каждой культуры. И если даже и существуют какие то исторические законы, ведущие человечество к этой великой мировой агонии, необходимо противопоставить этим кровавым законам (войны, подобные революции, казни, убийства) новую силу, которая могла бы повернуть эту безумную колесницу истории в другую сторону.

Но для этого необходимо уже одухотворенные личности, необходимо этическое сознание, необходима борьба за новую гуманитарную культуру, борьба за интегральную свободу, борьба против того тысячелюбого чудовищного дракона, имя которому — коммунизм.

Гаага, Январь 1924.

Дельта.

Примечания: 1) Ницше. "Так говорил Заратустра". 2) О. Шпенглер. "Закат Европы". 3) Хвостов. "Теория исторического процесса". 4) А. Франс. "Боги жадут". 5) A. Gardiner. "The admonitions of an Egyptian sage". Leipzig. 1909. 6) Мельгунов. "Кровавый террор в России".

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

ПЯТЫЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ РЕШЕНИЙ ГААГСКОГО СОБРАНИЯ.

15-го сентября 1872 года, в Сент Имье собрался конгресс Юрской федерации Интернационала.

Кроме 16-ти делегатов от 9 секций швейцарской федерации (в том числе и делегатов от славянской секции Цюриха) на конгрессе присутствовали делегаты Италии, Испании, Франции и Америки.

Этот конгресс заявил, что по способу организации Гаагского конгресса "его нельзя считать действительным представителем мнения секций составляющих" Интернационал.

Этот конгресс отказался признать резолюции гаагского собрания, считая их принятыми в ущерб автономии секций и федераций Интернационала, несправедливыми, и выходящими за пределы ведения интернациональных конгрессов Международного Товарищества Рабочих. Конгресс отказался признавать власть Главного Совета. Было решено начать работу по составлению федеративного договора всех желающих заключить его федераций. Конгресс указал, далее, на великий принцип солидарности рабочих всех стран.

Конгресс заявил, что исключение М. Бакунина и Ж. Гильома было следствием злой и безнестной интриги нескольких злобных личностей, что Бакунин и Гильом, как по своей неустойчивой социалистической деятельности, так и по личной почтенности, приобрели почет и уважение членов Юрской Федерации, что конгресс в С. Имье энергично протестует против резолюции большинства Гаагского конгресса, исключившей из Интернационала Бакунина и Гильома, при чем считает своим долгом громогласно подтвердить, что продолжает признавать за товарищами Гильомом и Бакуниным их звание членов Интернационала и Юрской Федерации.

Тотчас после конгресса Юрской Федерации,

и С. Имье же открыл свои заседания пятый международный конгресс Интернационала, *) собравшийся по предложению итальянской конференции в Римини. На нем присутствовали 6 делегатов Итальянской федерации, 4 делегата испанской, 2 делегата Юрской Федерации, 2 делегата от нескольких секций Франции и делегат от двух секций С. Америки.

Исходя из принципа автономии и независимости Федераций и рабочих секций, конгресс отверг все без исключения резолюции Гаагского собрания и отказался признать выбранный им Главный Совет. Конгресс заявил, что большинство Гаагского конгресса было искусственно подтасовано, что лондонский Главный Совет прибегнул для увеличения своего могущества к безнестнейшим интригам, ко лжи, к клевете, пытаясь загрязнить всех тех, кто осмеливался бороться с ним.

Конгресс выработал, далее, "Договор дружбы, солидарности и взаимной защиты вольных федераций". Все примкнувшие к этому договору федерации и секции, в том числе и представленные на конгрессе, будут поддерживать между собою прямые сношения, независимо от какого либо правящего контроля. Если будет затронута свобода какой либо федерации, все остальные федерации обяжут себя солидарными с нею.

Конгресс объявил, далее, что автономия и независимость рабочих федераций и секций является первым условием освобождения рабочих,

*) Некоторые историки Интернационала не считают конгресса в С. Имье пятым конгрессом Интернационала, так как на нем не были представлены все федерации. Но, так как Интернационал оказался солидарным в его споре с Главным Советом, так как на нем были делегаты трех главных федераций и Франции, то мы считаем его пятым конгрессом Интернационала. Не согласные с этим взглядом могут считать его конгрессом нескольких федераций Интернационала.

что конгрессы не могут, поэтому, обладать законодательной и регламентирующей властью.

Интересна следующая резолюция конгресса: — "принимая во внимание, что желание навязать пролетариату линию поведения или однообразную политическую программу, как единственный путь, который мог бы привести его к социальному освобождению, является столь же нелепой, сколько и реакционной претензией, что никто не имеет права лишать автономные федерации и секции неоспоримого права самим определять линию политического поведения, которую они считают лучшей и следовать ей, что всякая такая попытка фатально приведет нас к самому возмутительному догматизму; что стремления пролетариата не могут иметь другой цели, кроме установления вполне свободных экономических организаций и федераций, основанных на всеобщем труде и равенстве и абсолютно независимых от всякого политического правительства и что эта организация и эта федерация могут быть лишь результатом самочинного действия самого пролетариата, рабочих союзов и автономных коммун; принимая во внимание, что всякая политическая организация может быть только организацией господства в пользу одного класса и к невыгоде масс и что пролетариат, если бы он вздумал захватить власть, сам сделался бы господствующим и эксплуатирующим классом, — собравшийся в С. Иъе конгресс заявляет, что: уничтожение всякой политической власти есть первая обязанность пролетариата; что всякая организация так называемой временной и революционной политической власти в целях такого уничтожения не может быть чем либо иным, как новым обманом и была бы столь же опасной для пролетариата, как и все существующие правительства; что, отвергая всякий компромисс для достижения социальной революции, пролетарии всех стран должны установить вне всякой буржуазной политики "солидарность революционного действия".

Конгресс заявил также, что рабочий никогда не сможет освободиться от векового угнетения, если не противопоставит поглщающему и развращающему учреждению-государству — свободную федерацию производственных групп,

основанную на солидарности и равенстве".

Интересен взгляд конгресса на стачки: "Для нас стачка, это — драгоценное средство борьбы, но мы не создаем себе иллюзии относительно ее экономических результатов. Мы ее принимаем, как продукт антагонизма между трудом и капиталом, имеющий своим неизбежным следствием тот факт, что рабочие все более и более сознают наличность бездны, существующей между буржуазией и пролетариатом, тот факт, что стачка укрепляет организацию рабочих и притоговляет пролетариат самим фактом экономических битв к великой и окончательной революционной борьбе, которая, уничтожив всякую привилегию и всякое классовое различие, даст рабочему право наслаждаться интегральным (всем) продуктом его труда и создаст таким образом средства развить в общежитии всю интеллектуальную, моральную и материальную силу".

Интересно, что этот конгресс отверг "в принципе законодательное право всех конгрессов, как общих, так и областных, не признавая за ними другого назначения, кроме назначения заявлять различные стремления, потребности и идеи пролетариата различных местностей или стран для того, чтобы этим путем совершилось по возможности их соглашение и объединение. Но ни в каком случае большинство какого либо конгресса не может навязать свое решение меньшинству".

Международный конгресс разошелся при криках: "Да здравствует социальная революция!"

Тотчас после Гаагского собрания английский федеральный совет вотировал порицание К. Марксу, заявившему на этом собрании, что "...все те, кого называют лидерами рабочего движения в Англии, суть люди, продавшиеся Гладстону и другим буржуазным политикам".

Этот английский федеральный совет, к которому примкнуло большинство секций, решил, минуя Главный Совет, непосредственно сноситься со всеми федерациями Международного Товарищества Рабочих.

Английский Совет, в лице своего большинства, издал манифест, созывающий конгресс ан-

глийской Федерации. В этом манифесте, между прочим, значилось: — "мы объявляем, что Гаагский конгресс был простой мистификацией, когда соберется английский конгресс, мы обязуемся доказать следующие факты: — что в Гаагском конгрессе были личности, вопиравшие на основании полномочий, исходящих от никогда не существовавших секций, что полномочия были даны личностям, не состоявшим членами Интернационала, что в Гааге известная партия (марксисты) предлагала полномочия разным лицам с условием, чтобы они голосовали определенным образом, при чем это предложение было с негодованием отвергнуто; что вследствие данных инструкций, из Америки были привезены чистые бланки полномочий, каковые не были даны секциями, от которых они считались исходящими; что эти полномочия были распределены известными лицами так, как это им нравилось; что одно из этих полномочий, исходящее от так называемой секции в Чикаго, было передано индивидууму, о котором было хорошо известно, что он состоял в сношениях с журналом "Штандарт" и о котором за месяц перед тем гражданин Марке говорил, что подозревает его в шпионстве и пр." (Сотрудник консервативного журнала "Штандарт", это — Молтман Бери). На этом конгрессе был выбран новый федеральный совет, от имени которого секретарь Гэльс предлагал бельгийскому конгрессу признать за каждой федерацией полнейшую свободу действий, причем даже конгресс не может вмешиваться в дела автономных федераций.

Сторонники Маркса попытались составить другой федеральный английский совет из меньшинства членов существующего совета, но эта попытка оказалась совершенно неудачной.

Сторонники Маркса не могли помешать состояться конгрессу английской Федерации и он собрался 26-го января в Лондоне. Этот конгресс вынес резолюцию, в которой указал, что "Гаагский конгресс" был составлен незаконно, что его большинство было искусственным, что его резолюции отвергаются английским конгрессом и что конгресс не признает выбранного в Гааге Главного Совета.

Отметим, что английские члены Междунаро-

дного Товарищества Рабочих не разделяли анархических воззрений, стояли за участие рабочих в выборах и все это не помешало им высказаться против резолюций "большинства" Гаагского Собрания.

Конгресс бельгийской Федерации, заседавший 25—26 декабря 1872-го года в Брюсселе в свою очередь объявил уничтоженными и не существующими резолюции, вынесенные искусственным большинством Гаагского собрания. Конгресс единогласно принял протест меньшинства Гаагского съезда. На бельгийском конгрессе присутствовали делегаты секций Брюсселя, Гента, Антверпена, Шарлеруа, Сенпера, Гето, Льежа, Весдра.

Голландская федерация, после неудачной попытки Нью-Йоркского Главного Совета исключить из Интернационала Юрскую Федерацию (путем приостановки ее деятельности), вместе с итальянскими, испанскими и бельгийскими интернационалистами, заявила, что не признает постановления Нью-Йоркского Главного Совета и солидарна с Юрской Федерацией. Поддерживая меньшинство Гаагского собрания, большинство секций Голландской Федерации поддерживало все такие сношения с Главным Советом, но вскоре все голландские секции перешли к федералистам.

Болонский конгресс Итальянской Федерации, собравшийся тайно от полиции 15-го марта 1873-го года, постановил, между прочим, следующее решение: — "Итальянская федерация отказалась признать решения Гаагского конгресса и отрицает за Нью-Йоркским Главным Советом всякое значение и право вмешиваться в дела Интернационала". Другой своей резолюцией конгресс присоединил свою федерацию к "договору солидарности".

Конгресс испанской Федерации, заседавший 25—30-го декабря того же года в Кордове, в количестве 48 делегатов от 57 секций, признал "договор дружбы, солидарности и взаимной защиты". З. а. принятие этого договора высказалось 47 делегатов из 48 и подавший против него голос заявил, что он поступает таким образом только потому, что ему дан был соответствующий наказ, но, что он вполне убедился, — что

его федерация, давая такой наказ, была введена в заблуждение, которое он и рассеет по возвращении. Этот конгресс "также отверг постановления Гаагского конгресса".

Испанская федерация состояла в то время из 101-й местной федерации, заключавших в себе 66 смешанных секций 332 рабочих секций, но на конгрессе присутствовали представители всех больших городов Испании — Мадрида, Кадикса, Валенсии, Хереса, Кордовы, Севильи, Малаги, Гренады, Аранжуэца и многих других.

К "договору дружбы" присоединилась Американская Федерация, комитет которой назывался *Spring Street* и преимущественно включал в себе представителей американских секций. Эта федерация заявила, что она игнорирует выборы, произведенные Гаагским собранием. О делегатах Гаагского собрания эта федерация говорила следующее: — "не поняв и не выполнив своего важного назначения, которое было возложено на них их доверителями, присвоили себе власть средствами, достойными деспотических правительств, низвергнуть которые мы желаем". . . . "Мы хотим свободы, как для федерации, так и для секций и для отдельных личностей, т. е. хотим того, что члены Гаагского конгресса не были расположены дать своей пастве". Любопытно, что названный американский федеративный совет был сторонником не только экономической, но и политической борьбы и все таки не мог не протестовать против Гаагского конгресса. Другой американский федеративный совет (*Ward Hotel*) объединял немецкие, французские и ирландские секции, находившиеся в Америке и он стал на сторону Гаагского конгресса.

Во Франции закон против Интернационала мешал созвать тайные секции для обсуждения решений Гаагского конгресса, но Руанская секция протестовала против нарушения ей делегатом на Гаагском собрании данного ею наказа. Она заявила, что "принцип централизации губит все народы, начиная с самого отдаленного времени", протестовала против "права" Главного Совета уничтожать секции и федерация, не допускала в Международном Товариществе Рабо-

чих другой власти, кроме власти федераций, которые должны управляться по своему усмотрению, с соблюдением лишь федеративного договора, отрицала за Главным Советом право "давать" "политические приказания" и говорила: — "мы протестуем против всякой диктатуры пролетариата или буржуазии, под каким бы предлогом она ни была установлена и под какими бы формами она ни являлась". Наряду с руанской секцией протестовали и другие французские секции против злоупотребления их именами на Гаагском собрании и присоединились к резолюциям конгресса в С. Имье.

Выбранные на Гаагском собрании в члены Главного Совета — Давид и американец Вард — отказались быть его членами, первый резко порицая поведение Маркса, второй, протестуя против поведения Генерального Совета, забывшего принципы Интернационала.

Надо заметить, что еще 18-го сентября 1872-го года четыре испанских делегата, бывших на Гаагском собрании, напечатали в "*Liberte*" письмо, в котором говорили: мы протестуем "не только против инквизиторских заключений комиссии (Гаагского Собрания), которая в решении, полном безстыдных противоречий, подло и лезвием бросила клевету против почтенных интеллигентных товарищей, известных рабочему классу в качестве преданных рабочему делу лиц, против товарищей, которых мы уважаем теперь более, чем когда либо (Бакунина и Гильяма .А. К.), но мы протестуем также против присвоения этой комиссией смешного права предложить заранее подтасованному большинству исключить их из Интернационала".

Затем, в письме, напечатанном в "*Liberte*" от 4-го октября 1872-го года, подписанным известными русскими эмигрантами — Огаревым, Зайцевым, Озеровым, Гольштейном, Ралли, Эльсицем и Смирновым, — говорилось, между прочим, следующее: — "В 37-м номере вашей газеты мы с негодованием прочли текст невероятного раппорта, представленного Гаагскому конгрессу Комиссией исследования о "Союзе". В этом раппорте, очевидно вымышленном ненавистью и желанием во что бы то ни стало покончить с неудобным противником, осмелились бросить про-

тив нашего соотечественника и друга Михаила Бакунина обвинение в мошенничестве и шантаже... Факты, на основании которых считали возможным обвинять нашего соотечественника "нам хорошо известны в их малейших деталях и мы сочтем долгом восстановить их в истинном свете точно, как это будет нам позволено сделать. Нам мешает это сделать в настоящее время положение другого соотечественника (Нечаева. А. К.), который вовсе не является нашим другом, но которого делают для нас священным те преследования русского правительства, жертвою которых он сделался. Г. Марке, ловкость которого мы не хотим, впрочем, оспаривать, рассчитал в этом случае, по меньшей мере, плохо. Честные сердца во всех странах без сомнения испытают только негодование и отвращение перед столь грубой интригой и столь очевидным нарушением наиболее простых принципов справедливости. Что же касается до России, то мы можем уверить господина Маркса, что все его маневры пропадут даром. Бакунин слишком известен и уважаем для того, чтобы его могла задеть клевета".

Весь Интернационал, не говоря о фиктивных организациях (в роде федерации из 9 человек Лафарга) восстал против недостойной комедии Гаагского собрания. Междунаро. съезд, конгрессе Юрской Федерации, конгресс федерации бельгийской, конгресс федерации английской, конгресс федерации испанской, конгресс федерации итальянской, Американская Федерация, секции Франции дали Марксу тяжелый урок и порвали с ним. Ю. М. Стеклов писал, что в 1874-м году "Энгельс должен был прямо признать, что анархический Интернационал гораздо сильнее тех, немногочисленных элементов, которые остались верны старому Интернационалу".

Сам К. Маркс не то чтобы лестно отзывался о своих сторонниках на Гаагском конгрессе. "Немногие французы, которые примыкали к нам в Гааге, в большинстве случаев оказались впоследствии сволочью", писал К. Маркс 4-го апреля 1874-го года Зорге о лицах, участвовавших в оклеветании М. А. Бакунина. Бланкисты ушли из Интернационала, так как вожди

Главного Совета, воспользовавшись их голосами, все таки перевели этот Совет в Америку, где английские рабочие и французы не могли влиять на него. И хотя Э. Вальян сохранил с Марксом хорошие отношения, бланкисты все таки писали: — "призванный к исполнению своих обязанностей, Интернационал отказался их выполнять. Он уклонился от революции, он бежал на ту сторону Атлантического океана". Строго говоря не Интернационал бежал за океан: из Интернационала убежало несколько его членов.

После конгресса в С. Имьэ, Интернационал стал чуть ли не всецело анархическим.

"В скором времени — пишет М. Неттлау — Интернационал отказался принять мютюзелистические и властно-коммунистические теории и, оставив в стороне эти прудоновские и марксистские идеи, он старался выработать синтез между мютюзлизмом и коллективизмом, где коллективизм рассматривался бы, как основание системы обмена, гарантировавшей каждому полный продукт его труда вне всякой власти, без всякой централизации, без всякого государства. Бакунин, де Пап и Варлен были главными представителями этой концепции, которую называли тогда "революционным коллективизмом" и которая известна теперь под именем анархического коллективизма. Побужденные таким образом на теоретической почве, марксисты были побеждены еще в организационном вопросе и, начиная с конгресса в С. Имьэ (Сентябрь 1872 года), Интернационал становится антивластной группировкой".

ОТНОШЕНИЕ К. МАРКСА К М. А. БАКУНИНУ.

Вражда Маркса к Бакунину, его неустанные, то явные, то закулисные попытки опорочить последнего, вносили в деятельность Интернационала дезорганизацию. Эта ненависть обычно объясняется личными свойствами Маркса — его нетерпимостью, властолюбием, неразборчивостью в средствах и пр. Бакунин помешал ему сделать Интернационал орудием своих планов, помешал ему навязать Интернационалу марксистское учение и марксистскую тактику.

Очень важно и то, что Бакунин отнюдь не

восхищался марксовским "Капиталом", — этой тяжелым языком написанной книгой. Бакунин считал это произведение "экономической метафизикой" и его молчание, после того, как Маркс переслал ему через Беккера свою книгу, не могло не задеть Маркса. Впрочем, как то раз Бакунин отозвался о "Капитале", как об ученом, глубоком, но отвлеченном труде. Этот отзыв можно объяснить, как тем, что Бакунин не успел сразу разобраться в этой книге, так и манерой Бакунина поддерживать всякое, хотя и не вполне удачное стремление помочь социалистической пропаганде.

Странные взгляды Маркса на право одних народов мечом и кровью завладевать территориями других (его указания на северо-американцев и мексиканцев), сталкиваясь с могучим призывом Бакунина к братству народов, казались жалкими. Несерьезной и вредной считал М. А. Бакунин предлагавшуюся Марксом тактику рабочего движения. Зная обо всем этом, Маркс не останавливался перед невероятными клеветами для того, чтобы погубить Бакунина. Бакунин, этот "революционер на деле" давил своей мощью писателя.

Нечего и говорить о том, что Бакунину ни во что не ставил так называемое народное "государство" Маркса, конечно он резко осуждал марксовскую тактику, которая фатально свелась к вовлечению рабочих в парламентские выборы и которая в течение десятков лет приносила рабочим страшный вред.

Вскоре после Гаагского собрания, Лафарг и Энгельс написали книжку "Союз социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих", при чем К. Маркс участвовал в составлении ее заключения. Эта брошюра была черезчур далека от истины. Между прочим, М. Неттлау писал о ней следующие слова: "надо быть особенно осторожным по отношению к так называемым выдержкам, опубликованным марксистской брошюрой "Альянс" и пр. (1873 г.) в "кавычках"... Эти выдержки изобилуют произвольными перестановками, пропусками, иногда даже прибавками". Часть материалов для этой брошюры доставил г. Утин, очень скоро после этого подавший прошение на "высочайшее" имя

и получивший "всемилодивейшее" прошение.

К сожалению, нельзя умолчать о том, что Маркс, руководствуясь непонятными для нас соображениями, клеветал на М. А. Бакунина. Он письменно утверждал невероятную выдумку, что, после смерти Герцена, Бакунин стал получать по 25.000 франков в год от несуществующей "панславистской псевдосоциалистической партии". Он называл мощного мыслителя Бакунина, умственной силой которого, творческая способность и великая честность и поныне ценятся очень высоко, "крикливым шарлатаном", клевал на него и в письмах к Николаю — ону, называя его "бывшим руководителем в Нечаевском деле", в котором Бакунин не принимал никакого участия, клеветал, говоря, что Бакунин написал или велел написать письмо Любавину, хотя Бакунин ничего не знал о письме, адресованном этому господину. Маркс дошел до того, что инсинуировал против Бакунина следующими словами: — "выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляют меня сильно беспокоиться за вас и за некоторых других друзей. Ведь, эти люди способны на всякую гнусность". Здесь Маркс производит впечатление нравственно помешанного человека. Здесь нет места подробно останавливаться на только что указанных и других наветах К. Маркса, в том числе на том, результатом которого было чудовищное глупое quasi — исключение Бакунина из Интернационала, но надо заметить, что трудно поверить возможности такого отношения одного политического деятеля к другому и только бесспорные документы убеждают нас в справедливости вышесказанного.

Таким образом только до некоторой степени прав был П. А. Кропоткин, говоря, что "разлад между марксистами и бакунистами отнюдь не был делом личного самолюбия. Он представлял собой неизбежное столкновение между принципами федерализма и централизации, между свободной коммуной и отеческим управлением государства, между свободным творческим действием народных масс и законодательным улучшением существующих условий, созданным капиталистическим строем. То было, наконец, столкновение между латинским духом и германс-

ким *geist*, который, разбив Францию на поле битвы, желал теперь главенствовать в области науки, политики, философии, а также социализ-

ма, противопоставляя свое "научное" понимание социализма "утопическому" социализму других".

(Продолжение в след. номере).

«ЕДИНСТВО» ПРОЛЕТАРИАТА.

Памфлет американской социалистической партии, озаглавленный "Industrial Unionism" (Индустриальный Юнионизм) начинается следующим заявлением:

"Индустриализм есть род дерева, представляющего один лист". Далее мы узнаем, что это уже не "один лист", а что составляется он из трех различных вещей: формы, тактики и цели.

Почтенные социалисты, таким образом, сразу же противоречат своему собственному утверждению об единстве индустриализма, допустив в нем существование тройственности: формы тактики и цели, которые, разумеется, предполагают различное содержание и смысл, могущие и не вложиться в одну общую схему.

Допустим, однако, возможность подобного насилия над логикой и вместе с автором упомянутого памфлета скажем: да, индустриализм — един и складывается из трех элементов. Этим простым ответом пылливость человеческая не ограничится и у нас появится новый вопрос — что такое социалисты подразумевают под формой, тактикой и целью, и в самом ли деле эти три понятия могут быть признаны элементами, не подлежащими никакому сомнению и спору.

Можно ли, например, их цель, которую они представляют, как, замену теперешнего буржуазного правительства индустриальным правительством или социалистической республикой, признать за данное, неизбежное, predetermined какими-нибудь естественными или историческими законами? Конечно, ничего абсолютного собой не представляет эта цель. Индустриальное правительство может быть, и эта мечта может и не осуществиться, если, например, умы людей будут увлечены идеей общества без всякой власти,

без всякого правительства.

Второе лицо соц. "тройки" — тактика, причем социалисты разумеют объединенное выступление рабочих на защиту своих интересов в экономической и политической области в пределах дозволенного законом, посредством участия в выборах и законодательства — вызывает еще больше возражений, нежели их индустриальное правительство, или социалистическая республика. Последняя предполагает, хотя бы уничтожение капитализма и эксплуатации (в действительности же на примере России и других стран мы видим, что все это в ней сохраняется и укрепляется), в то время, как борьба рабочих за свое освобождение парламентарным путем представляется настолько сомнительным делом, что здравомыслящий рабочий не придает ей серьезного значения и видит в ней лишь политическое шарлатанство и надутость масс.

Самым замечательным и самым спорным в триединой концепции индустриализма является утверждение о том, что "пролетариат — один". Из этого вытекает, по заявлению социалистов, единство интересов пролетариата, а также его солидарность. Эти утверждения социалисты иллюстрируют следующим примером: "каковы бы ни были границы Штатов, отдельные Штаты, однако, являются только частями целой Нации. Каковы бы то ни были границы, разделяющие трэд-юнионизм, отдельные юнионы являются только частями всего Пролетариата. Следовательно, несмотря на различие рода занятий, производимой работы и условий труда, производительные рабочие страны составляют одну нацию, а, поэтому должны быть организованы в один юнион."

Читая такие рассуждения автора, можно положительным образом утверждать, что анонимный автор памфлета наверное христианин и бывший правоверный католик, который вбитую ему в голову идею тройственности божества перенес затем в сферу социальных явлений и открыл "одну" истину, "одну" нацию, "единство" пролетариата и т. д.

Когда социалисты говорят об единстве пролетариата, то мы, разумеется, не можем принять их утверждения на веру и должны спросить — в каком смысле это единство им представляется. Если "пролетариат — один", то означает ли это известную породу людей, сходных по своим физическим и природным качествам, умственному развитию, мышлению, одаренности, способностям и т. д. Или понятие единства пролетариата означает — собрание разнообразнейших людей, разнящихся между собой физически и психически (слабых и сильных, способных к известного рода труду и неспособных, отличающихся большими или меньшими умственными способностями и т. д.), но включаемых в это понятие просто в силу принадлежности к числу наемных рабочих?

Разрешение рабочего вопроса не представляло бы сложных трудностей, если бы в самом деле пролетариат был "един". В таком случае гораздо легче было бы сдвинуть его с места и увлечь в ту или иную сторону. В действительности же об "единстве" пролетариата много говорят и пишут разные партийные и кабинетные теоретики, вроде К. Маркса и ему подобных интеллигентов, знающих о жизни рабочих по наслышке и приписывающих им такие качества, которые у большинства из них совершенно отсутствуют.

Единство интересов пролетариата могло бы создаваться только при условии одинакового материального положения, т. е. в том случае, если бы всех рабочих эксплуатировали бы равно долгое часы и платили бы им одинаковую низкую плату. Возможно, что в подобном положении рабочие находились в начале зарождения капитализма. Одинаковость интересов рабочих исчезала, однако, по мере развития капитализма, наравнившего ее и развращавшего рабочего, выс-

шей сравнительно с другими рабочими, заработной платой за выполнение сложной работы, за скорую работу, за преданность интересам хозяина и т. д.

Каждый рабочий знает, что на любой фабрике или в мастерской имеется хорошо оплачиваемая и легкая работа, за которую обеими руками держится получивший ее рабочий и тяжела, отталкивающая работа, за которую рабочий берется только по нужде. На фабрике у того же самого Форда, которому рабочие на перебой набиваются, и где труд их до некоторой степени одинаково оплачивается, некоторые рабочие, которым попадется не трудная работа, готовы рабствовать у Форда до самой смерти в то время, как попавшие на тяжелую работу, улетучиваются от своего благодетеля при первой возможности.

На почве собственно разнообразия экономических интересов возникло у рабочих стремление к созданию профессиональных союзов. Известная часть рабочих, например, механики, машинисты, портные и т. д., организуют союз, что бы приспособиться лучше к существующим капиталистическим условиям и извлечь для себя возможно большую выгоду. Путем таких профессиональных объединений рабочие той или иной профессии достигают удовлетворительных условий: юнионные наборщики, например, работают 6 часов в день, получая за свой труд 50 долл., а то и больше в неделю. Условия труда не менее соблазнительны и в некоторых других ремеслах, не говоря уже об интеллигентных профессиях.

Кажущееся "единство" пролетариата, благодаря всему этому, расщепляется образованием в нем группировок и объединений, по своей экономической обеспеченности и условиям труда, резко отличающихся от остальной неорганизованной или слабо организованной рабочей массы. Работая в одной и той же фабрике, приходится наблюдать с какой кичливостью и высокомерием какой-нибудь уже опытный и знающий рабочий смотрит на новичка, незнакомого еще с делом, и как он злорадно подсмеивается над ним, если тот не знает чего-нибудь или делает промахи. О "солидарности" рабочих, сколотив-

ших своим горбом маленький капиталец, обладавший собственным домиком и фтордиком, говорить не приходится. Для таких рабочих социальных вопрос вовсе не существует.

К этому следует еще прибавить и то, что добрая половина (если не большая) разных хозяйчиков, мелких и крупных буржуйчиков является выходцами из рядов пролетариата. С другой стороны не редки вольные и невольные переходы из буржуазного лагеря в пролетарский.

* * *

Когда любители различных монистических (единых) теорий говорят об единстве классовом, религиозном, философском или каком-нибудь другом, то всегда надо иметь в виду, что нам хотят навязать нечто произвольное, искусственно придуманное, существующее больше всего в воображении, нежели в действительности. Стоит только отрешиться от поэтических грез и приглядеться к людям и их жизни, и мы во всем увидим не единство, а множественность и разнообразие. В жизни нет ничего единого. Даже отдельный человек не представляет собой единства, ибо он не остается и не замирает на одной какой-нибудь ступени развития, а постепенно изменяется во всем, что касается его физического строения, психики, мышления и понимания окружающего мира.

Уже одно то обстоятельство, что появляются все новые и новые монистические теории говорит о том — насколько они не отражают в себе действительной жизни и не удовлетворяют людей. Если бы была возможна единая религия, то не было бы множества существующих теперь верований в том же самом христианстве. Дело в том, что никакие поповские страхи не могут заставить всех христиан понимать бога и обязанностей христианина так, как это, например, предусматривается правилами той или иной христианской церкви. Фактически нет среди христиан единого понимания своего бога, а каждый из них представляет его себе по своему, по разуму, и соответственно с этим пониманием вырабатывается у каждого линия его нравственного поведения и отношения к этому божеству.

Если бы пролетариат был один, то в настоящее время мы не имели бы того разнообразия и пестроты, которые можно наблюдать в рабочем движении. Поговорите с большевиком, меньшевиком, эсером и каким-нибудь еще социалистом и все они скажут, что "пролетариат — один". Но это не более — как пустые слова. На деле мы знаем, что такое сомнительное "единство" пролетариата не мешает, например, в России большевикам истреблять самым зверским образом меньшевиков, эсеров, не говоря уже о рабочих-анархистах, которых, конечно, всегда будут преследовать пролетарские правительства.

С большой натяжкой и оговорками можно, конечно говорить об единстве пролетариата, его интересах и необходимости одного большого союза. Все это можно (не без возражений, конечно), признать необходимым по тактическим соображениям. Но уж ни в коем случае рабочий-анархист не может признать единства цели пролетариата, заключающейся, по мнению социалистов, в установлении "индустриального правительства". Между рабочими, стремящимися к власти, и рабочими, отрицающими ее во всех формах и проявлениях, очевидно не может быть общности интересов. Что может быть общего у рабочего-анархиста с таким пролетарским классом, который будет гнать в социалистических тюрьмах анархистов, стремящихся к осуществлению вольной жизни на земле без всякого правительства?

В объединениях рабочих, направленных на завоевание политической или индустриальной власти, безначальцы видят лишь попытку нового одурачивания и порабощения трудящихся, хотя ничего и не имеют против таких объединений, поскольку они в данном буржуазном обществе ведут борьбу за улучшение экономического положения трудящихся, которая (борьба) однако, в форме чистого тред-юнионизма, до известной степени, представляет не что иное, как приспособление к существующим капиталистическим условиям и, следовательно, скорее способствует укреплению капитализма, нежели его исчезновению.

Все вышесказанное заставляет анархиста-

плюралиста (множественника) быть на стороже против громких, но пустых фраз о "единстве" пролетариата, "единстве" человечества, "единстве" бога, "едином" социализме, и т. п. вещах, представляющих в действительности не единое, а множественное, или в едином множественное.

Нельзя сказать, разумеется, что "пролетариат — один", но можно вполне сказать, что большинство прелетариата обречено на тяжелый труд, подневольную, рабскую жизнь, постоянную нужду и лишения и что в существующем капиталистическом обществе имеется достаточно недовольных, чтобы взорвать его при первой представившейся возможности.

Важно безусловно не то однообразен или многообразен пролетариат, а каковы его стремления, а главное намерения относительно плана строительства нового общества, и будет ли оно хуже или лучше ныне существующего. Мы знаем, например, что новое общество может оказаться не на высоте своего положения, если оно будет строиться по плохому плану, неумелыми руками и к тому еще из материала непригодного для постройки.

Заранее можно сказать, что ничего путного не получится, если в Америке строительство нового общества окажется в руках марксистов. Эти господа, конечно, могут построить не-

что вроде казарменного коммунизма, который будет опираться на социалистические тюрьмы. А в таком "раю" наскучит жить даже самим творцам — социалистам и они непременно пригласят удаленных варягов-буржуев и провозгласят НЭП.

Задача анархистов заключается, разумеется, в том, чтобы во-первых, не допустить подобных социалистических экспериментов, тормозящих общественное развитие, и во-вторых, направить усилия и творческую энергию масс в сторону безгосударственного строительства и создания безвластного общества на почве различных добровольных объединений и соглашений в форме, — наиболее подходящей для договаривающихся: — коммун, артелей, кооперативов, ассоциаций и т. д.

Свободное, безвластное общество может быть создано общими усилиями трудящихся, группирующихся не по классовому признаку, а по симпатии. С кем хочу, с тем и живу, а делаю сколько могу и что необходимо для удовлетворения потребностей всех людей, потому что все заботятся об удовлетворении моих потребностей.

С. Ш. С. Америки.

Март 1924 г.

Безвластник.

МУЧЕНИЦА — РОССИЯ.

Проходят дни, часы, мгновенья
В потоке вечном Бытия,
Но нет конца ей мученьям,
Как нет и жизни для нея.

В когтях того, кто дышет ядом,
Кто любит муки, стоны, плач;
Кто вечно был слугою Ада,
Ея тот царственный палач.

Давно осмеяна врагами
Свободы, жизни, красоты,
Давно кровавыми ногами
Ея растоптаны цветы.

Насмешки, дерзкие угрозы
Они в лицо бросают ей,
Плюют в глаза, в которых слезы
Алмазов ярче и нежней.

Вичом безумцы избивают,
Грозят ей смертью, казнью злой;
Костры под нею поджигают
Убийцы зверекою толпой.

Палач жестокий пригвождает
Ее, святую, ко кресту;
Она же вечно воскресает,
Взывая скорбно ко Христу.

Гаага, Январь 1924.

Дельта.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

ПЕРЕХОДНАЯ СТАДИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Я р ч у к .

Вопрос о переходной стадии был выдвинут некоторыми анархическими группировками во время русской революции. Он возник на скате революционной волны, революция встретила препятствия в своем победоносном шествии, когда организованная контр-революция обусловила замедление революционно-победоносного шага, и ясно стало, что путь к анархическому коммунизму будет долгим, затяжным и мучительно тяжким.

Этот вопрос нашел себе поклонников и среди Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов.

Какое же понятие вкладывали они в переходную стадию?

Должен здесь же заявить, что этот вопрос не стоял в порядке дня ни первой, ни второй конференции анархо-синдикалистов, и там не обсуждался. Точно так же и во Временном Исполнительном Бюро Конфедерации, состоявшем из трех лиц, не только не было единого мнения по вопросу о переходной стадии, но существовали крупные разногласия. Естественно, что, в таком случае, я могу выразить только свое личное мнение.

Итак, что же мы понимаем под переходной стадией?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала уяснить себе другой вопрос: как нам представляется переход от современного буржуазно-капиталистического строя к анархическому коммунизму; какими средствами, какими методами можно уничтожить современный строй рабства и насилия, т. е. вопрос о том, как мы понимаем социальную революцию.

Если мы обратимся за ответом к нашим классикам, то увидим, что там нет единства. Еще больше: отношение их к социальной рево-

люции и к тому, как, каким образом осуществить уничтожение современного строя и заменить его другим, не зависит от того, принадлежит ли тот или иной анархист к тому или иному течению, как-то: анархо-индивидуалистическому, -коммунистическому, -синдикалистическому или толстовскому. Так, например, Годвин, Толстой, Прудон и Туккер сходятся в том, что переворот совершится мирным путем. Стоит только убедить людей в необходимости уничтожения современного строя, — и "право, государство и собственность исчезнут и водворится новый общественный строй", — говорит Годвин, считая, что "богатые и сильные не недоступны идее всеобщего блага, если только она им представлена во всей ее точности и очаровательности". А раз допустив, что и богатых, и сильных убедить можно, Годвин все свои надежды возлагает на проповедь, полагая, что "если истинный друг человечества неутомимо будет проповедывать истину и стараться устранять все препятствия к ее торжеству, то он со спокойной совестью может ожидать скорого и хорошего исхода". Годвин уверен, что "полнейший переворот, который необходим, едва ли может быть рассматриваем, как действие; он, скорее, — всеобщее просвещение: люди начинают чувствовать свое положение, и цепи их исчезают, как фантастический образ". Годвин является ярким противником насильственных переворотов, считая, что "те оружия будут казаться подозрительными с точки зрения нашего разума, которые с одинаковым видом на успех могут быть употреблены обеими сторонами. Поэтому мы должны с отвращением смотреть на всякое насилие. Ведя насильственную борьбу, мы оставляем надежную область правды и ставим решение в зависимость от случайного каприза. Фаланга нашего

разума неуязвима; она движется спокойным, надежным шагом вперед, и ничто не может ей противостать. Совсем иначе, если мы оставляем наши разумные основания и обращаемся к мечам. Кто может, в шуме и гаме междоусобной войны, предсказать, на чьей стороне будет успех? Мы должны поэтому осторожно различать между обучением и подстрекательством народа. Мы не должны поощрять гнев, угрозы и страсти, а домогаться только трезвых рассуждений, ясной критики и неустрашимых решений... И когда пробьет решительный час, тогда нам не нужно будет обнажать меч, ударять палец о палец. Противники будут слишком слабы для того, чтобы противостать общечеловеческому чувству... "Чувствуя, что угнетенная, поработанная масса может взбунтоваться куда раньше, чем удастся распропагандировать большинство, Годвин требует от пропагандистов большой осторожности. "Два правила, — говорит он, — должен, поэтому, иметь в виду человек, которому дорого возрождение своего рода, а именно — использование каждого часа при открытии и сении истины и необходимости долгого выжидания, пока его учение осуществится. При всей его осторожности, возможно, что бурная толпа опередит спокойный, тихий ход разума; тогда он не осудит переворота, который совершится на несколько лет раньше, чем этого требовала разумность. Если он, однако, будет действовать с большой осторожностью, то он может предупредить преждевременную попытку совершить переворот, и на значительное время продолжить всеобщее спокойствие". Итак, из приведенных цитат видим, что Годвин отрицательно относится к насильственному ниспровержению существующего строя и всю надежду возлагает на мирную пропаганду, считая, что таким путем удастся убедить большинство людей — как бедных, так и богатых — в необходимости замены современного строя более совершенным.

Также Прудон полагает, что "пролетариат должен тщательно остерегаться всякого посредственного или непосредственного политического и какого бы то ни было нападения, которое, — каким бы именем его ни маскировать, — равносильно признанию перевеса капитала и, сле-

дательно, является противоречием. Только тем может восторжествовать труд над капиталом, что он устроит самого себя сам, своими силами, путем ассоциаций, путем взаимных гарантий самостоятельной организации".

Само собою понятно, что Толстой, ставший во главу угла непротivление злу насилем, считает, что стоит только познавши правду-истину определенно высказать ее, — и "тотчас само собою спадет отжившее общественное мнение и проявится молодое, живое, настоящее".

Что касается Туккера, то хотя он и допускает насилие, но все-таки находит, что "пассивное сопротивление — наисильнейшее оружие, которое человек когда либо употреблял против угнетения". "Восстание, — говорит он, — легко подавить, но никакая армия не может и не хочет направить свои орудия против мирных людей, не собирающихся даже на улицах, а остающихся дома и отстаивающих свое право".

Совсем обратное утверждают другие наши классики. Так, например, Штирнер, Бакунин и Кропоткин находят, что только насильственным путем можно уничтожить современный строй. "Теоретическая борьба, — говорит Штирнер, — не может довести победу до конца, а святая сила мысли подчиняется насилию эгоизма". "Вопрос о собственности нельзя так мирно разрешить, как об этом мечтают социалисты и даже коммунисты. Он может быть решен только борьбой всех против всех".

А Бакунин, этот апостол социальной революции, видит в ней и только в ней единственный путь к освобождению. "Таков широкый народный путь, путь действительного и полнейшего освобождения, доступный для всякого, и потому действительно народный, путь анархической социальной революции, возникающей самостоятельно в народной среде, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того, чтобы потом из самой глубины народного существа создать новые формы свободной общности" ("Государственность и Анархия", стр. 186). "Под революцией мы понимаем взрыв страстей называемых злыми, и уничтожение всего того, что на современном языке называется общественным порядком".

Кропоткин считает, что "новые стремления человечества найдут себе исход — но при грохоте пушек и при зареве пожаров". ("Речи бунтовщика, стр. 10). Тем "кто стремится к торжеству справедливости, кто хочет провести в жизнь новые мысли, скоро приходится убедиться, что осуществление благородных, человеческих, обновляющих понятий невозможно в том обществе, которое их окружает. Они убеждаются, что необходима революционная буря, которая смела бы всю эту плесень, оживила бы своим дунувением застывшие сердца и вдохнула бы в человечество дух самопожертвования и героизма, без которого всякое общество пошлеет, падает и разлагается". ("Речи бунтовщика", стр. 271).

*

Если мы обратимся к современному анархизму, поскольку он выражен анархической прессой, то встретим нечто аналогичное по данному вопросу. И здесь мы замечаем, что воззрения на социальную революцию различны и не находятся в зависимости от того, к какой группировке себя причисляет тот или иной анархист.

Мы видим многих анархо-индивидуалистов, -синдикалистов, -коммунистов, стоящих на той точке зрения, что будущее социальное переустройство явится следствием нашей пропаганды, т. е. что нам удастся распропагандировать большинство людей, и революция, открывающая новую эру в истории человечества, будет почти мирной.

Если придерживаться подобного взгляда, полагая, что будущая революция явится с самого начала анархической, т. е. нам удастся распространить, в недалеком будущем, наши идеи среди трудящихся настолько широко, и глубоко, что большинство из них начнет именно анархическую революцию, — тогда, конечно, никакой речи о переходной стадии быть не может. Ибо раз большинство будет анархистами, то, конечно, легко будет уничтожить современный строй, т. е. противодействие будет очень слабое, и переворот сможет произойти без кровопролития. И переход к анархическому коммунизму явится, понятное дело, легким.

Но откуда взяться розовым надеждам? Можем ли мы рассчитывать, что в современном строе, — где школы, университеты, печать и даже наука пахотятся в руках имущих, — мы, анархисты, будем в состоянии своими маленькими, чахленькими газетами распропагандировать большинство трудящихся? Можем ли мы полагать, что в современном строе, где трудящиеся ведут такую тяжелую отчаянную борьбу за существование; где труд, чрезмерный труд действует так одурачивающе, тяжело, изнуряюще; где вся энергия, все силы трудящихся направлены к тому, чтобы не умереть голодной смертью, — пролетариат вдруг воспримет мысль, проникнется нашими идеями и с первых же дней революции, обдуманно, сознательно начнет устраивать свою жизнь по-анархически?..

Анализируя современный строй, мы должны констатировать, что революция близка, но начнется она, главным образом, вследствие тяжелого положения трудящихся в современном рабском обществе. Мы не отрицаем роли идей, пропаганды в деле приближения революции, но главный импульс — это, все-таки, рабское положение современного пролетариата. И нужно заметить, что последнее обстоятельство являлось главным двигателем во всех революциях, происходивших до сих пор.

Возьмем положение трудящихся накануне великой французской революции. — "Народ стонал под тяжестью налогов, взимаемых государством, оброка, платимого помещику, десятины, получаемой духовенством, и барщины, требуемой всеми тремя", — говорит Кропоткин в своей книге "Великая Французская Революция" (стр. 16). "Население целых местностей было доведено до нищеты. В каждой провинции толпы в пять, десять, двадцать тысяч человек, мужчин, женщин и детей, бродили по большим дорогам. В 1777 была официально установлена цифра в 1.100.000 нищих. В деревнях голод стал хроническим; он повторялся через короткие промежутки времени и опустошал целые провинции. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни, в надежде найти где-нибудь лучшие условия, — надежде, конечно, тщетной. Вместе с тем, в городах число бедных росло с каждым

годом. Хлеба постоянно не хватало, а так-как городские управы оказались неспособными доставлять на рынки нужное количество хлеба, то голодные бунты, всегда сопровождавшиеся избиениями народа, стали обычным явлением в жизни Франции“.

Соплелся здесь также на общеизвестный факт тяжелого, невыносимого положения трудящихся накануне революции в России, Австрии, Венгрии и других странах. Таково же положение теперь в Германии, стоящей перед великими событиями, вызываемыми голодом и нищетой рабочего класса.

Мы знаем, что для совершения социальной революции, кроме нищеты, нужно еще что-то. Мы знаем, что “нищета самая ужасная, даже когда она поражает многомиллионный пролетариат, не есть еще достаточный залог для революции. Человек одарен от природы изумительным и, право, иногда доводящим до отчаяния терпением, и чорт знает чего он не переносит, когда вместе с нищетой, обрекающей его на неслыханные лишения и медленную голодную смерть, он еще награжден тупоумием, тупостью чувств, отсутствием всякого сознания своего права и тем невозмутимым терпением и послушанием, которыми между всеми народами особенно отличаются восточные индейцы и немцы. Такой человек никогда не воспринимет; умрет, но не взбунтуется.

”Но когда он доведен до отчаяния, возмущение его становится уже более возможным. Отчаяние — острое, страстное чувство. Оно вызывает его из тупого, полусонного страдания и предполагает уже более или менее ясное сознание возможности лучшего положения, которого он только не надеется достигнуть.

”В отчаянии, наконец, долго оставаться не может никто: оно быстро приводит человека или к смерти, или к делу. К какому делу? Разумеется, к делу освобождения и завоевания условий лучшего существования. Даже немец в отчаянии перестает быть резонером: только надо много, очень много всякого рода обид, притеснений, страданий и зла, чтобы довести его до отчаяния.

”Но и нищеты с отчаянием мало, чтобы

возбудить Социальную Революцию. Они способны произвести личные или, много, местные бунты, но недостаточны, чтобы поднять целые народные массы. Для этого необходим еще общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освященного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, — нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать, религиозная вера в это право. Когда такой идеал и такая вера в народе встречается вместе с нищетой, доводящей его до отчаяния, тогда Социальная Революция неотвратима, близка и никакая сила не может ей воспрепятствовать“. (Бакунин. “Государственность и Анархия“, стр. 76).

Мы полагаем, что современное отчаянное положение трудящихся, их нищета, усилившаяся вследствие расточительной безумной войны, является и в настоящем импульсом, толкающим на революцию. Но обладает ли пролетариат идеалом, этой осью революционного движения? Если под идеалом понимать потенциальное стремление трудящихся к своему освобождению, то подобный идеал всегда, — временами сильнее, временами слабее, — тлеет в гуще народных масс. В настоящее же время среди масс распространен не один идеал; их несколько, — и революция не будет ждать, пока наш идеал, идеал анархизма, вытеснит из среды трудящихся все другие идеалы и сделает господствующим.

История последних лет показала, что революция может начаться куда раньше, чем даже значительное меньшинство трудящихся будет проникнуто идеями анархизма. Русская революция служит этому достаточно ярким примером: там, наряду с маленькой кучкой анархистов, мы имели несколько партий, проповедывавших свои идеи, боровшихся за свою “правду-истину“.

А трудящиеся? Они стремились к освобождению от ига собственности и власти, и начали революцию в надежде, что она положит конец их вечному недоеданию, избавит от вечно-го голода, холода, обеспечит их жилищем, укажет, наконец, предел кровавой войне, длившейся уже четыре года; они верили, что революция

уничтожит рабскую жизнь и водворит на земле новый мир, — мир равных, могучих, свободных людей. Трудящиеся России не принадлежали к одной, единой партии, но были разбросаны по всем господствовавшим тогда в России партиям и течениям; а их было не мало в то время. Но пролетариат, как класс, инстинктивно выдвинул свои формы организации и устройства трудовой пролетарской жизни, свое собственное понятие о революции, не совпадавшее ни с одним понятием, определенным или программой существовавших тогда партий или течений. Рабочие состояли, как бы в двойном подданстве (здесь говорится, конечно, о партийных рабочих), с одной стороны защищая программу своей партии по принадлежности, а с другой — организации, выдвинутые ими же во время революции. Так, начиная с первых же дней революции, были выдвинуты Советы, не встречавшие сочувствия среди господствовавших тогда самых сильных партий: с.—р. и с.—д. (меньшевилов). Советы скоро начали борьбу с правительством, которое как-раз и защищалось этими партиями. В дальнейшей борьбе Советов с правительством стал замечаться сильный уклон первых к безвластию, — к уничтожению государства, как такового. То же самое случилось потом и с фабрично-заводскими комитетами, крестьянскими союзами, кооперативами и т. д. Пролетарский инстинкт, революционный гений побуждал к выработке новых творческих форм, новых методов организации для осуществления идеала новой прекрасной жизни, без господ и рабов, без собственности и государства, без угнетения и порабощения.

Были ли организации, выдвинутые трудящимися, те же, что и выдвигаемые анархистами? Нет, конечно. Трудящиеся шли к своей победе ощупью, намечая свой путь скорее инстинктивно, чем сознанием; анархисты же имели идеал, вытекающий из теории, существовавшей уже много лет, способствовавшей даже выработке некоторых деталей будущего строя.

Должны ли были анархисты принимать деятельное участие во всех этих полусвободных организациях, выдвинутых пролетарским гением? Некоторые анархисты говорят: нет, не

должны были; следовало продолжать проповедь анархического идеала и ждать, пока народ не возьмется за его осуществление. Мы же полагаем, что анархисты должны были принимать участие во всех этих организациях, выдвинутых пролетариатом, вести там борьбу за расширение и углубление федералистических, анти-государственных методов. Конечно, ни Советы, ни фабрично-заводские комитеты, ни, существовавшие тогда, кооперативы, домовые и прочие комитеты не являются формами организации анархического общества. Но они носили в себе яркие зачатки — федералистические и анти-государственные. В момент перехода от капитализма к коммунистическому устройству общества, — в момент, когда пролетариату необходимо было с оружием в руках отстаивать свое право на устройство новой безвластной жизни, они служили переходной стадией к новому миру.

Итак, под переходной стадией мы понимаем весь период борьбы от начала революции до полного устройства анархической коммуны. Весь тот период борьбы, когда трудящимся, в борьбе против вооруженной контр-революции, придется вооруженной рукой уничтожать людей и вещи, разрушать учреждения, создавая на их место новые организации, которые, не будучи анархическими, тем не менее имеют в себе все зародыши, все зачаточные формы, откуда смогут развиваться формы безгосударственного устройства общества; к подобным организациям принадлежат Советы, Фабрично-Заводские Комитеты, Кооперативы, Домовые Комитеты, Крестьянские Союзы и т. д.

Мы не собираемся выработывать формы и тем более программу периода переходной стадии. Мы считали бы подобную программу даже вредной для нашего движения, т.-к. во-первых, переходная стадия — не идеал, а лишь неизбежное явление в ходе борьбы трудящихся за полное свое освобождение; во-вторых же, формы переходной стадии, ее длительность, затвердость зависят целиком от самой революции. Если пролетариат какой-нибудь страны окажется хорошо организованным; если удар, нанесенный буржуазии, будет настолько силен, что ей уже не удастся организовать в более или менее

значительную силу для борьбы с революцией; если, к тому же, революция в одной стране вызовет вскоре мощный отклик в других странах, то переходная стадия будет очень короткой; и, быть-может, удастся даже совсем избежать ее. Вот почему, полагая, что анархистам необходи-

мо считаться с возможностью переходной стадии, мы находим в то же время необходимым предостеречь товарищей от увлечения таковой, дабы не превратить ее в идеал, в затверделый строй, пропаганда которого могла бы принести не мало вреда анархизму.

—«0000000»—

ГОСУДАРСТВО, ПОРЯДОК И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

П. Михайлов.

По понятиям теперешнего буржуазного строя, государство является законным блюстителем порядка и нравственности. В глазах защитников государственности, оно, как таковое, есть не только защитник народа, но и благодетель, щедро осыпаящий благами своих подданных, смотрящий также за порядком и учащий нравственности.

Перечисленные выше достоинства, якобы приобретаемые за государством, настолько общегуманны и общепользны, что повидимому ничего не остается делать, как лишь благодарить и преклоняться перед государством!

Кому же не лестны порядок, мир, спокойствие и тишина, за спиной у государства, или, вернее, за спиной у власти имущих. Вполне понятно, что порядок и спокойствие, более прельстительны, нежели какой бы то ни было хаос или полный беспорядок. Что же касается нравственности, то опять-таки, кому же вздумается ругать государство за то, что оно учит нравственности и проповедует ее своим подданным? Ведь не могут же люди отвергнув, например, нравственность, пойти по стопам злых, коварных людей, грабя и убивая?! — Ясно, что этот путь не будет симпатичен бесчисленному количеству людей, а поэтому: **да здравствует нравственность и порядок!** И, воздадим должную честь государству, охраняющему наше спокойствие и проповедующему между нами свою нравственность.

К таким выводам приходят логически "мыслящие" сторонники и защитники государства. И лишь с помощью современной безобразной жизни, их слепая вера в государство, как в за-

щитника народа, как в учителя о нравственности и о порядке; легко может быть разрушена в прах.

Стоит лишь только подойти к современной жизни не как фанатику и слесшу, а как беспристрастному ценителю современных условий жизни, так сейчас же рушится иллюзия о государстве, наводящем спокойствие и порядок. Стоит лишь только попристальной посмотреть в порядок и нравственность, проповедуемые государством, то скоро можно придти к совершенно иным выводам и понятиям о государстве, его порядке и нравственности.

Как мы уже выше пришли к заключению о том, что здраво-мыслящие люди ни в коем случае не предпочтут порочную жизнь, толкающую на убийства, безнравственность; следовательно, продолжая нашу мысль, — **убийство**, как нечто повседневное, обыденное, практикуемое в нашей жизни, исходя из основ нравственности, признать нельзя! С этим доводом, надо полагать должен будет согласиться великий человек, если только ему свойственна природа нравственности.

Но, государство, признавая убийство, практикуя его на каждом шагу своего существования, может ли оно претендовать на учителя нравственности? Может ли оно заявлять себя сторонником спокойствия и тишины, когда проливаемая им кровь так заметна и очевидна!

Что скажете вы на это, восхваляющие и прославляющие государство!!!

Может быть, как сторонники государственности, уверовавшие в порядок и нравственность государства, вы постараетесь нам разъяснить, где

и как глубоко заложены в государственном фундаменте основы нравственности.

Если государство, или его защитники, какими либо доводами возьмются оправдать совершаемые ими гнусные злодеяния, известные под именем хотя бы убийств, то не лицемерием ли будут звучать эти оправдания и не ужасом ли повеет от их нравственности, разрешающей повседневные убийства. Если государство берет на себя миссию убивать и в то же время просвещать нравственности, то на чем же построены верования в государство, в его порядок и его нравственность, не на слепом ли доверии государству верящих в добродетели его с одной стороны и, не на явном ли обмане народа с другой, т. е. со стороны государства.

Убийство, есть одно из ужаснейших явлений в человеческой жизни и как бы оно ни совершалось и при каких бы условиях ни происходило, раз оно является повседневной потребностью, то нет ему оправдания, ибо оно по существу своему совершенно безнравственно и совсем анти-гуманно. Убивать с какими бы то ни было целями себе подобных людей, значит потерять образ человека и превратиться в безнравственное не мыслящее животное. Поскольку убийство совершается не вынужденно — не в целях самозащиты, т. е. не в условиях самообороны себя от другого желающего тебя почему бы то ни было убить, постольку оно является страшным злом, которому никак нельзя найти оправдания.

Этого вышеприведенного довода, указывающего на государство как на сторонника безнравственности, конечно, не достаточно для того, чтоб выявить шире взгляд государства на порядок и нравственность. Ведь не одно только убийство и уместный призыв к убийству (воплощаемый хотя бы во время войны и вообще в жизни) уличают государство в деяниях не достойных пониманию нравственности. Есть еще очень много примеров, которые смогут также познакомить нас с государственной нравственностью и государственным порядком.

Самыми лучшими показателями государственной нравственности и государственного поряд-

ка, являются, сами же буржуазно-государственные основы, на которых теперь всецело зиждется наша жизнь, олицетворяющая собой не нравственность и порядок, а полное торжество во власть имущих над народом и полный произвол нагайки, вероятно в качестве тех многих присущих якобы доблестных свойств государству. Остается следовательно выяснить, что представляют из себя буржуазно-государственные основы и каким порядком и какой нравственностью они проникнуты.

Для этого самым благоразумным будет обратиться к самой жизни, вписанной в рамки государственных основ. Поскольку мы найдем жизнь нормальной, благоустроенной и нравственной, постольку мы не будем нападать на государство как на нашего врага и обвинять его в безнравственности.

Что же такое, в конце концов представляют из себя государственные основы? К чему они обязывают человечество, к подлинной ли нравственности и к подлинному ли порядку или наоборот к безмерному хаосу? И далее, заботится ли государство и в какой мере о подлинном ему народе?

Да. Безусловно государство всецело старается угодить своим подданным. Оно считает своим долгом и даже обязанностью заботиться о народе. Но только очень своеобразна и дика в этом деле печаль государства. Вся забота его сводится лишь к тому, чтобы не дать людям мыслить самостоятельно и делать за себя свои дела, что безусловно очень отражается на народе и приучает этот последний надеяться во всем на разум государства и на силу правителей. А в результате этого, создается в народе вера в государство и государственных правителей. Из-за невозможности мыслить самим за себя — из-за невозможности стать творцами своей жизни, люди, надеясь на ум и мощь других, поручают все свои заботы и печали государству, а сами остаются за бортом жизни, в качестве сырого материала, предназначенного для переработки всемогущему государственному механизму.

Вполне понятно и естественно, что все-

сильное государство, пользуясь такой привилегией со стороны верящего в него народа, приме-

ниет беспрепятственно в жизни свою систему, совершенно зараженную и совсем не годную к употреблению. Пользуясь слепым доверием народа, стоящие у власти правители, воплощают в жизнь государственнические основы и проводят их так, как вздумается им, властителям. Менее всего при этом, стоящие у правления государства, считаются с пожеланиями народа. В их задачи не входит видно, чтоб прислушиваться к голосу народа и по возможности идти навстречу нуждам масс. И зато в их обязанности входит совсем другое: заботиться и благодетельствовать народ исходя из пониманий государственных дел, настолько, насколько допускает это практикуемая ими система.

Государственнические же основы, как раз в свою очередь служат интересам государства, а не народа! Ибо они выдуманы теми, кто управляет государством и, стало быть стремление правителей услужить народу, есть стремление не чистых намерений помочь нуждам народа, а лишь стремление править народом и подчинять его, не считаясь с его нуждами и запросами.

Если же народ вздумает высказать свое недовольство применяемой государственной системой и попытается указать правительству на непригодность существующего порядка, ограничивающего народ и мешающего ему разумно существовать, то в таких случаях для бунтарей, критикующих государственный порядок, заправилami государства заготовлена нагайка, виселица и тому подобные применяемые государством "сокровища", так ясно говорящие нам о существующем в государстве придеке и о "высоком" качестве применяемой нравственности.

Вот к чему сводятся основы государственности и в какой нравственной степени применяется государственная система. Как видно, по мнению государства, порядок должно наводить лишь настолько, насколько нуждаются в нем государственные правители, и так, как правители найдут нужным и узаконенным ими, а не так, как того желал бы сам народ. Желания же народа, правителями не принимаются в расчет и несмотря на то, что желания очень часто высказываются, им не придают никакого значения. Людей же, осмеливающихся высказывать свои

мнения и пожелания (противные правительству), объявляют просто напросто врагами государства — государственными преступниками.

Вот тут то и приходится задуматься над таким существующим государственным порядком; ибо, рассматривая государство, очень трудно разыскать в нем те хорошие стороны и качества, которые принято обыкновенно приписывать государству. Приходится с большими усилиями доискиваться нравственности, которая по утверждению многих поклонников государственности, заложена будто бы в основах государства и сопутствует государству, как таковое в целом. Если государственническая нравственность заключается лишь в том (как говорят факты), что слепо повиныйся государству и не делай ему вреда, т. е. признавай нравственным то, что признает государство, то этим далеко не исчерпываются понятия о нравственности, а скорее противоречат в корне понятию о нравственности.

Государство, таким образом, под видом нравственности и порядка, навязывает нам то, что никак нельзя назвать этими именами. А при перечислении "добрых дел" и деяний государства, можно даже прийти к заключению, что государство скорее способствует произволу и полной безнравственности, но не порядку и нравственности, которые гораздо ближе соприкасаются с пониманиями свободными — справедливыми, а не с пониманиями насильническими — государственными. Государство, стало быть, всего навсего является при современном строе регулятором и защитником современного порядка и современной государственническо-буржуазной нравственности, законам которых совершенно чужды свободнические понимания нравственности, как добродетели и, свободнические понимания порядка, как лучшей свободной жизни.

Как мы видим, в нравственности и порядке, которым учит и которые проповедует государство, при всем желании нельзя найти даже и тени тех взаимоотношений и той чистоты, под которыми принято подразумевать нравственность вообще. И понятно, та нравственность о которой говорит государство, которую оно нам навязывает в теперешнем рабском обществe, не есть даже вообще какая бы то ни

было нравственность, а есть просто ярлык, который самовластно и хитро прилеплен к государственному "самовару" и включен в государственные основы. Цель же, которую государство имело прибегая к этому ярлыку, также вполне очевидна; и как бы власти государства ни старались ее замаскировать, все равно, через баррикады нагромождаемой ими лжи просвечивает истина, которую трудно скрыть от зорких глаз тех, кто стремится к свободе, к свету и к подлинной нравственности.

Подобно полоумным убийцам — были правители государства, когда они вливали этот ярлык в свои государственные основы и преподнесли его народу в качестве нравственности. Но при всем их таком старании, от этого получились самые плачевные результаты. Не смотря на то, что государственный "самовар" (или аппарат), кипел во всю, проявлял будто бы признаки жизни, последняя, как столетний дуб, стояла на одном месте и не двигалась вперед к нравственному прогрессу. И... жалкая прория судьбы, бежавшая из кипящего раскаленного самовара вода, оказывалась при прикосновении к ней холодной как лед! — Иначе говоря, государственный аппарат, с наклеенным на нем ярлыком, на котором начертано: нравственность и жизнь, проявляет в сущности не жизнь, а смерть и оказывается в действительности каким то мифическим кипящим самоваром, из которого течет холодная вода, да к тому еще вредная для здоровья!

Вместо гармонии, как порядка — вместо нравственной жизни, оказалось, что государство преподнесло нам смерть и возможность такого "прогресса", который нас толкает на путь кровавой, подневольной жизни. Ну, а нравственность, о которой красноречиво разглагольствуют государственные мужи, послужила лишь для них целью в их стремлении роскошно жить, владеть и поработать. В целях своего честолюбия, в целях власти над народом, прибегали правители к нравственности, и с помощью этой последней (которую они извратили до неузнаваемости), воздвигли себе мягкое ложе в настоящей жизни.

Итак, как мы видим, нравственная жизнь

при государственном строе, совершенно немыслима. Совершенно ясно, что государство не стремится к нравственности, а хочет лишь диктовать свою власть народу и управлять им. И поскольку народ будет слепо следовать по стопам государственнической нравственности, постольку же он будет вечно угнетаем государством. Что же касается государства, то оно крепко будет держаться своей извращенной нравственности и будет стараться применять ее в жизни такой, какой она является теперь, в рамках современного порабощения.

Такова нравственность государства!

Можно ли это назвать нравственностью, и что может быть противнее такой нравственности, которую имеет в виду государство?! Там, где по уверению государственников, существуют будто бы признаки нравственности, ничего подобного нельзя найти. Стало быть, государственному аппарату совершенно не свойственна нравственность!

Там, где государство нам указывает на признаки нравственности, можно только видеть безобразную наготу; и там, где по мнению государства, находится нравственная прогрессирующая жизнь, мы видим, к великому прискорбию — государственный кровавый механизм.

"Вот, указывает нам государство, сосуды наполненные благами жизни, пользуйтесь ими и будьте счастливы, но за это повинуйтесь мне, как вашему покровителю и благодетелю". Мы приближаемся к этим драгоценным сосудам и, о, ужас!.. из сосудов (где по указанию государства находится блага жизни), доносится терпкий запах крови; крови наших же близких, пролитой во имя власти над людьми и во имя господства властных над слабыми. Но это еще не все: ведь государство требует при этом полного к нему уважения и полного повиновения!

Таковы в действительности порядок и нравственность в государстве. Нужно быть совершенным слепцом, не понимающим жизни, для того чтобы утверждать, что государство придерживается нравственности и хочет создать нравственную прогрессирующую жизнь. Если и могут чем похвастаться "великие мужи", управляющие государством, так это своей беспробуд-

пой слепотой и невежеством, что подтверждают их взгляды на жизнь и их деяния ведущие не к прогрессу, а к смерти.

Трудовому люду, который больше всех страдает от государственного порядка, от государственнической нравственности и от самого государства в целом, нужно как можно скорее задуматься над своей неприглядной долей и прийти к определенному решению и действию, в целях скорейшего освобождения от кровавой, кошмарной завесы — государственных эксплуататоров. Современным поработенным людям необходимо уничтожить государство, его порядки и

его извращенную нравственность, иначе неминуема никакая разумная жизнь и не доступен нравственный прогресс.

Итак, мы должны построить новую жизнь. Для этого нам необходимо вступить в борьбу с нашими врагами, которые обезображивают нашу жизнь и обезличивают нас самих.

Так вперед же, перешагнем через труп государства, и через все государственные предрассудки, к свободной новой жизни; где бы мы могли жить так, как нам нравится и признавать такие порядки и нравственность, которые бы мы нашли разумными.

— 0 — « 0 —

ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА.

П. Рихард.

Закончился конгресс в Бурге, на котором анархисты имели особенно бурное столкновение с приверженцами коммунистической диктатуры.

Сколько слов и чернил было растратено, чтобы доказать, с одной стороны, необходимость Власти, вершающей непреклонно всеми судьбами общества, и с другой стороны — чтобы принцип этот опровергнуть!

Действительно, вопрос и поныне сохраняют такую же остроту, как и в свои далекие "первые дни", и, несмотря на все прения в Бурге, далеко не исчерпан.

Для анархистов, знакомых как с широкими требованиями, так и с характерной для авторитаристов узостью мысли, упомянутая коллизия отнюдь не являлась неожиданностью, ибо они учитывали вполне ясно всю несовместимость данных принципов; но они учитывали вполне ясно всю несовместимость данных принципов; но позволительно задаться вопросом — с какой же целью, в таком случае, примкнули они к С. С. Т. У. ?

Уже с самого основания этой новой синдикалистской организации можно было предвидеть то, что происходит в настоящее время, но предсказать это открыто — значило быть немедлен-

но избалованным в недостаточном революционном усердии, соглашательстве и угодничестве "постепеновца" (реформиста).

Эта боязнь быть занесенным в однозную рубрику под не менее однозным ярлыком заставила молчать очень многих. Нравы "Action francaise" распространились теперь повсюду, и в революционной ереде, совершенно, так же, как и среди буржуазии, имеются свои предатели и ренегаты, предающие и продающие врагу, свои Мальвы и Кайо.

Обратимся, однако же, к фактам.

Покинув С. С. Т. У., чтобы последовать за коммунистам и приблизиться к их революционному катехизису, анархисты совершили величайшую ошибку. Они должны были остаться под этим старым, надежным кровом, в этом доме, над которым они потрудились так много, чтобы сделать его гостеприимным и верным убежищем, где мог бы найти себе приют, каждый, кто является жертвой социальной эксплуатации.

Утверждают, будто бы, оставаясь там, они навлекли бы на себя нежелательные подозрения, и все усилия их разбивались о неодолимую оппозицию стороны тех лиц, которым они

в свое время доверились всецело.

Довод этот представляется нам неубедительным.

Ибо можно ли думать, что в то время, когда рабочие синдикаты были еще слабы и немногочисленны, когда размежеванные на узкие ремесленные корпорации, закрытые для "непосвященных" и "белоручек", они представляли собой, по большей части, скорее избирательные бюро, нежели организации, имеющие своей целью преобразование социального строя — можно ли думать, повторяю, что в то время пропаганда здесь была делом более легким?

Совершенно также, как и теперь, приходилось вести упорную борьбу, отвоевывая пядь за пядью, — и в этом отношении я могу сослаться на свидетельство наших старых товарищей, работавших 25—30 лет тому назад.

Вступая в синдикаты, мы не осведомлялись, стоят ли во главе их реформисты, социалисты или республиканцы. От руководителей их требовалось, чтобы на своем посту они действовали, как честные **синдикалисты**.

Порою им приходилось очень трудно, но Амьенская хартия может служить свидетельством их успехов.

Упрочившись и окрепнув, С. Г. Т. стал признанной силой. Правительство и крупные торгово-промышленные фирмы ненавидели этот союз, но вместе с тем опасались его влияния и вынуждены были с ним считаться. Под сенью С. Г. Т. очень часто происходили жестокие идейные бои между сторонниками и противниками авторитаризма, но никто из них и не помышлял о том, чтобы покинуть эту, с таким трудом объединившуюся, великую семью.

Примыкавшие к синдикатам рабочие в большинстве своем были совершенно чужды каких бы то ни было политических или философских учений, которым приходилось, ввиду этого, постоянно оспаривать друг у друга почву. Только необходимость объединения для защиты своих материальных интересов и социальных позиций привлекала пролетариат к синдикализму.

Дифференция совершилась сама собою. По выслаивании представителей различных соци-

логических школ создавалось более или менее отчетливое представление о них, в результате чего многие рабочие присоединились к тому или иному направлению, сохраняя в то же время должное уважение к инакомыслящим.

Это была плодородная нива нетронутых, свежих умов, не ослепленных никакой затвердевшей политической догмой, где великие социальные идеи давали могучие и щедрые ростки.

Но вот пришла война с ее разрушительными последствиями, и наши нервы не выдержали навязанного им напряжения. Дискуссии, вначале пламенные, стали принимать чересчур острый, едкий характер, прониклись нетерпимостью, ненавистничеством и желчностью, в особенности после того, как триумфы большевиков в России настолько опьянили их французских единомышленников, что своей единственной целью они поставили использовать, не брезгая никакими средствами, организованные пролетарские силы, как орудие политического успеха.

Под их ударами рушились сначала политические, а затем и рабочие организации, с таким трудом поставленные на ноги. И анархисты, воображая, что работают на пользу свободы, помогали с своей стороны этому делу разрушения!..

На что надеялись они, чего ожидали?..

Неужели они рассчитывали переубедить их временных союзников и привести их к их концепции анархистского федерализма — иными словами, федерализма без власти, без **правительства** — их, которые только о том и мечтают, как бы сосредоточить в своих руках всю полноту власти, дабы использовать ее, само собою разумеется, заставляя беспощадно стигаться под тяжестью своих железных законов как буржуэв, так и анархистов.

Не более резонной была бы попытка стащить луну с небосклона...

Как же быть в таком случае?

Надеемся на то, что новые синдикалисты воспримут их идеи, кристаллизовавшиеся окончательно в дискуссиях, как это случилось ранее в С. Г. Т.?

Но где искать этих новых адептов со "свежими, нетронутыми умами"?

В какой группе обосновались они — люди, которые повинуются только мотиву непосредственной реальной выгоды, не интересуются ничем, кроме вопроса о ставках и количестве рабочих часов, и настроены враждебно даже к революционной фразеологии руководителей С. Г. Т. У. ?..

Или обратиться, быть может, к старому обиталищу синдикализма в С. Г. Т., члены которого все дальше отходят от анархистов... Которые в свою очередь были достаточно наивны, чтобы их оставить!..

Что касается новых приверженцев С. Г. Т. У., то большинство из них находится под определенным влиянием авторитаристов, и анархистам ни в каком случае не удастся вырвать их из тумана их верований и заблуждений. Как бы продуманы, взвешены, безукоризненны и неопровержимы ни были их доводы, они упадут в пустоту, так ни, те, ни другие не сдадут их позиций, а при этом условии всякая аргументация является бесплодной и бесполезной.

Хозяинчающие в С. Г. Т. У. коммунисты проявляют, впрочем, очень определенное намерение провести здесь свои директивы.

Уже сейчас целый ряд синдикалистских постов, состав которых обновлялся автоматически после определенного и очень короткого срока, закреплены за известными лицами, превра-

тившимися в не менее усердных карьеристов, нежели те господа с "rue Lafayette", которых он критиковал с таким жаром.

Много ли выиграли анархисты, содействуя этому распадению с таким трудом созданного синдикалистского мира на 2 бессильные половины — чтобы в конце концов не обрести ни малейшего влияния ни в одной, ни в другой?..

Укладывают вы ваш багаж, товарищи! И возвращайтесь туда, откуда ушли. Предоставьте коммунистам одним плести свою хитроумную паутину в С. Г. Т. У., с его верноподданством Москве.

Вы увидите, что с вашим уходом этот блок авторитаристов очень скоро потеряет крах, после чего единение рабочих будет воссоздано снизу путем нового сгруппирования синдикатов вокруг С. Г. Т., причем в основу его "внешней политики" положен будет принцип децентрализации, вне которого немислимо осуществление полного федерального бытия.

Несменяемое "начальство" должно будет уйти под давлением объединившихся, наконец, синдикатов, и в среде их — той среде, потребности и средства которой отчасти уже изучены — будет приступлено к разработке новых форм социального бытия, с гораздо большим успехом, нежели в бюро Rue de la Grande-aux-Belles или Rue Lafayette.

— о о о —

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В РОССИИ

№ 3.

Февраль 1924 года.

Берлин.

Объединенный Комитет Помощи с чувством живейшего удовлетворения приветствует оправдание Жермен Бертен и отмену смертного приговора над Николо и Маттео, как яркие отражения пробуждающегося в широких народных массах протеста против жестокой реакции во Франции и Испании. Ободренные этими первыми, после долгого периода затишья, успешными попытками борьбы против торжествующего мирового фашизма, Комитет обращает внимание трудящихся мира на безвыходное положение революционеров

в России, пленников русского правительства. Положение их безвыходное не только потому, что условия содержания в русских тюрьмах настолько физически и морально тяжелы, что европейские товарищи даже прошедшие через тюрьмы своих правительств, не могут иметь о них ясного представления. Положение пленников большевистского правительства безмерно тяжело еще и потому, что правительство беззастенчиво и не стесняясь какого либо общественного мнения в России держит курс на физическое истреб-

ление заключенных путем систематической провокации, голодовок и самоубийств, причем отдельные революционеры (Давид Коган и Ахтырский) бесследно исчезают в российских бастилиях. Но положение русских революционеров особенно тяжело потому, что многие рабочие Европы и Америки, находясь под обаянием великой российской революции и опасаясь повредить ее престижу и интересам, до сих пор еще смешивают ее с узурпировавшим ее права большевистским правительством и не выступают с должной энергией против его преступлений.

Политические заключенные в России, лишённые материальной и моральной поддержки со стороны забитых и поработанных трудящихся масс своей страны, в то же время не чувствуют еще до сих пор морального давления на своих мучителей со стороны возмущенного мирового рабочего класса. Русские революционеры, беззаветно борющиеся за дело международного освобождения трудящихся масс, должны наконец реально ощутить защиту и помощь со стороны лучших элементов международного пролетариата.

ПАРИЖСКАЯ ГРУППА ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Мы с великой радостью отмечаем, что инициатива нашего Комитета встретила отклик в центре французского пролетариата в Париже. Имена французских революционеров различных тенденций (анархисты, синдикалисты, социалисты-коммунисты), подписавших первое воззвание, являются гарантией глубины и серьезности, с какой будет вестись борьба за честь и жизнь русских революционеров. Весть об этом событии будет доведена Комитетом до узников далекой Сибири, Соловков, Бутырок и Суздаля, наполняя их сердца чувством благодарности и гордости.

Приводим знаменательный текст этого воззвания напечатанного в ряде французских революционных газет:

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИИ.

Группа защиты революционеров заключенных в России, которая только что образовалась с участием товарищей всех на-

правлений — анархистов, социалистов, синдикалистов — поставила себе целью освобождение всех тех, которые в России страдают в тюрьмах и ссылках за исповедуемые идеи. Непрерывные преследования революционеров, удушение последнего малейшего слова в стране, которому революция должна была бы широко открыть двери всякой социалистической и революционной пропаганде, вынуждает рядовые элементы французского рабочего движения ясно поставить вопрос о братской солидарности этого движения со всеми мучениками русской революции, удушаемыми нынешним правительством России. Ибо Россия тоже имеет своих Сакко и Ванзетти, своих Николо и Маттео и долгом всякого пролетариата является поднять свой голос против преследований, жертвами которых являются как те, так и другие, требовать освобождения как тех, так и других, будь то в Америке, в Испании или в России.

Ставя революционную свободу выше отдельных течений. Группа, которая будет давать беспощадные материалы о всех фактах преследования в России, просит у всех человеколюбивых людей, всех идеалистов, всех гуманистов, всех революционеров, какой бы школы они ни были, оказать ей свою моральную и материальную помощь, чтобы быть в состоянии успешно выполнить предпринимаемую ею неотложную задачу.

Если революционный пролетариат Франции способен заставить отступить плутократов Америки и испанских инквизиторов, то точно также удастся заставить диктаторов России выпустить революционеров, которых они осуждают на медленную смерть в своих тюрьмах и концентрационных лагерях. Группа Защиты Революционеров, заключенных в России начинает кампанию в прессе и на митингах по определенным поводам преследований революционеров.

За Группу Защиты:

Л. Баттини, Л. Берг, Е. Берутшу, Р.

Бенар, Кордые, Шевалье, Л. Бига, Е. Дендикель, Ж. Годо, Л. Жерино, Г. Жиро, Л. Оссар, Одэ, А. Юнье, Желливе, Жув, Ц. Лафонта, Массо, Марк Пьер, Поль Реклю, Жорж Ивто.

К ДЕЛУ Д. КОГАНА И А. АХТЫРСКОГО.

12 ноября 1923 г. Комитет обратился к Международному Товариществу Рабочих с просьбой выяснить положение пропавших без вести в русских тюрьмах двух анархистов Давида Когана и Ивана Ахтырского. 22 ноября Исп. Бюро М. Т. Р. обратилось с срочным запросом по этому делу в Московский Интернационал. Прошло более двух месяцев и никакого ответа. Комитет отмечает неслыханную безцеремонность с которой Московский Интернационал оставляет без внимания такое заявление международной рабочей организации. Вместе с тем, стоя на страже интересов русских революционеров, Комитет передает это вопиющее дело под защиту трудящихся мира. Пусть везде, где только есть представители большевистского правительства или их заместители в лице местных коммунистических партий, неустанно раздастся голос, требующий выяснения этого дела, являющегося ярким символом большевистского режима.

Где Давид Коган и Иван Ахтырский?

Пусть постоянно отдается в ушах представителей московского правительства на всех митингах, собраниях, в печати. Требуяйте освобождения этих товарищей, как и Спиридоновой, Брауна, Барона и Рубинчика, так сотен и тысяч безвестных бойцов революции.

ХРОНИКА РЕПРЕССИЙ.

КОШМАР.

В Кеми в тюрьме по пути в Соловки повесился и там же похоронен ссыльный по делу с.—д. союза молодежи юноша Аронович. В Соловках, в Савватиевском скиту вскрыл себе вены и умер юноша с.—р. Сандомир. В день самоубийства Сандомира был дежурным старый рабочий с.—д. Егоров-Лызов. Смерть Сандомира так повлияла на его душевное состояние, что он стал проявлять

все признаки душевной болезни. Он впал в тяжелую меланхолию, постоянно повторяя, что это его вина, что он не досмотрел за юношей. Кончилось тем, что он в припадке меланхолии выбросился из окна второго этажа. Его в тяжелом состоянии, по распоряжению тюремных врачей, увезли из Соловок, однако, на поруки родных его не освобождают, даже при условии немедленного помещения за счет родных в психиатрическую больницу.

В аналогичном состоянии находится и более полугодом тому назад психически заболевшая и содержавшаяся в Пермской тюремной больнице ссыльная работница табачной фабрики Евгения Богуславская.

ДРАМА В СОЛОВКАХ.

Из Москвы получены сведения о какой то страшной драме, разыгравшейся в Соловках. По слухам 5 убитых, 3 раненых.

ЦИК Советов принужден был отправить комиссию из трех лиц для расследования.

САМОУБИЙСТВО С. МОРОЗОВА.

Как известно большевики "помиловали" осужденных в 1922 г. членов Ц. К. правых эс-эров на положение заложников. Вероятнее всего правительство вынуждено было это сделать из за самоубийства в Бутырке одного из 12 смертников — С. Морозова. После 14 дневной голодовки он в знак протеста вскрыл себе вены.

Добавим, что Морозовых было 4 брата, из которых двое погибли, один при белых (максималист), последний теперь. Сам Сергей Морозов родился в тюрьме, где сидела его мать по политическому делу.

СУЗДАЛЬСКАЯ БАСТИЛИЯ.

Вслед за Соловками реставрирована Суздальская бастилия, как назвал эту старинную монастырскую тюрьму А. С. Пругавин.

О Суздаде большевики говорили давно. Много раз благожелательные болваны из ВЦ Ик'а и прокуратуры толковали о том, что для социалистов будет создана особая тюрьма в Москве или под Москвой.

Теперь этот рай обретен. Казематы старинной Суздальской тюрьмы, где угасал декабрист Шаховской, где умирали "за веру" духоборы и штундисты, тюрьма описанная еще Герценом, принимает в свои стены социалистов.

Этот новый социалистический Эдем таков, что по отзыву самих заключенных, Внутренняя тюрьма на Лубянке кажется раем.

В тюрьме проведен режим абсолютной изоляции. Как и во Внутренней тюрьме, дважды в день, заключенные выводятся в уборную сопровод. конвоирами. Как и там, не престанно к тяжелым дверям подходит стража и кричит "тише". Нет газет, нет никакой тюремной библиотеки. Строжайше воспрещено перестукивание. Об общей прогулке сейчас нет и речи.

Давно необитаемая тюрьма полна сырости. Электричества нет. На камеру дается керосиновая коптилка. Узкое крошечное окно, выходящее прямо в стену, густо переплетено решеткой. Из этих окон не видно ни неба, ни земли. Днем в камере стоит полумрак. Администрация находится в рабской зависимости от Москвы и не решается сделать шага без разрешения ГПУ. Доходит до того, что, когда в одну из камер были даны табуреты, непомерно высокие по сравнению с низким столом, то на просьбу укоротить на вершок ножки табуретов начальство ответило заявлением, что до разрешения из Москвы оно на свой страх не решается этого сделать.

Для переписки заключенных установлены правила, существовавшие лишь в Шлиссельбурге. Все письма к заключенным и от них должны пройти через ГПУ, где лично просматриваются г-жей Андреевой.

Это относится и к книгам.

Свидания обставлены исключительными строгостями и выдаются из расчета одного часа в неделю.

Есть все основания предполагать, что в ближайшее время Суздаль станет ареной тяжелых конфликтов.

ЧЕЛЯБИНСК.

Тихо, бесшумно заселяется присылаемы-

ми со всех концов России социалистами, лежащая на границе Сибири — Челябинская тюрьма. Она избрана сейчас пунктом для осужденных по судебным приговорам социалистов. О многих процессах в советской прессе не появляется ни строчки и даже родственники осужденных узнают лишь спустя долгий срок, что их мужья, отцы, братья судились и приговорены к 5—10 годам тюремного заключения со строгой изоляцией.

За последнее время в тюрьме было две голодовки, вызванные требованием свободного тюремного общения между собой социалистов. Администрация тюрьмы груба и жестока. Появляющийся в пьяном виде начальник создает постоянные инциденты и атмосфера всегда насыщена конфликтами. Пища отпускается в недостаточном количестве. Передач заключенные не имеют. Свидания редки, и даже вести о голодовках, о насилии администрации доходят до центров редко и случайно.

ВЕСТИ ИЗ РОССИИ.

Аресты продолжаются до конца. Арестовывают оппозиционно-настроенных коммунистов и отправляют в ссылку.

Арестовывают левых с.—р. и максималистов за выпуск первыми обращения к студентам Вузов и Рабфаков. Некоторых из арестованных держат на уголовном положении в уголовных камерах. Арестованы максималисты: Т. Кузьминская и студент Пятнышев. Первая за то, что помогала печь пирожки Красному Кресту для заключенных, а второй за то, что два раза помог носить передачи заключенным в ГПУ и Бутырки.

Вера Игнатьева — высылается в Киргизию за связь с подпольными л. с.—р. В ГПУ ей было предложено "заклеймить позором" свою партию, но получив должный ответ ее сослали не за вину какую, а за строптивость. Арестован максималист М. Закгейм. Приехавший из Витебска с 4-мя малолетними детьми л. с.—р. Григорьев не был принят в больницу, хотя он находился в третьей стадии туберкулеза. Он был свезен в клуб л. с.—р. с детьми, тоже зараженными. 18 ноября Григорьев умер.

Мать И. Коховской, известной террористки лев. с.—р., была помещена в богадельню. Когда богадельню ликвидировали, то мать Коховской, которая не ходит, оставили в нетопленной комнате. Когда в президиуме Об-ства бывш. каторжан (Коховская — каторжанка) поставили вопрос о переводе матери в богадельню имени Ленина, то коммунист-«кооператор» Крамаров заявил: "матери контр-революционерки не может быть места в этом доме". И ее оставили в нетопленной комнате.

У лев. с.—р. Х. обыск сопровождался сломом печи. Так как мужа арестовали, то мать с 3-х месячным ребенком осталась буквально в разрушенной комнате. На днях ребенок умер.

24 ноября арестована А. А. Селиванова (л. с.—р.), только что окончившая лечение тяжелой болезни. В конце ноября произведены вновь массовые аресты л. с.—р. Взято до 16 чел., в том числе давно отошедший от работы Волков.

В последнее время в Москве арестованы лев. с.—р. Орешкин и Волков. Высылаются на три года в Туркестан Олесь Сувилов. Бывший дважды арестованный и дававший подписку о выходе из партии, курский л. с.—р. Л. Мезенцев выслан в Туркестан. Недавно освобожденный л. с.—р. Г. Упоров (Москва) 25 декабря арестован вновь и выслан на три года в Челябинский уезд. Постановление о высылке было сообщено за два часа до отхода поезда. Уехал без вещей и без копейки денег. Взяли его силой (вынесли на руках). Заявление протест ВЦИК не принял.

Из Д. В. Р. высланы: в Соловки на два года л. с.—р. Рябинин и максималисты Тимковский, Матвеев, Власюк; с запрещением въезда в Москву, Петроград, Харьков, Киев, Одессу и Ростов — на два года, максималисты: Золо-

тарев, Орлов, Рыков, Чепурнов, Юхимчук, Рыбкин и М. Власюк.

Высылаются на три года на север ан.-син. Е. Рубинчик.

На три года сосланы в Соловецкий лагерь Т. Полозова и Т. Вегер. С ними находятся трое детей.

Арестован анархист Алексей Олонецкий. Последние три года он непрерывно проводит в тюрьмах коммунистической партии России.

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ.

№ 2 нашего Бюллетеня отпечатан во всей американской революционной печати ("Фрайе Арб. Штимме", "Волна", "Ам. Изв.", "Гол. Труженника", "Гол. Труда") и венской "Ерkenntnis und Befreiung", в немецких: "Синдикалист", "Фельксерхт" и в парижском "Либертейре".

* * *

Товарищеская просьба ко всем органам печати, использовавшим наш "Бюллетень", присылать по одному экземпляру этих органов.

* * *

Товарищи! Образовывайте на местах комитеты защиты. Связывайтесь с нами. Присылайте помощь по адресу:

F. Kater (Joint Com.) Kopernikusstr. 25 II
Berlin O. 34. Germany.

Делегация партии лев. с.—р. и союза с.—р. максималистов И. Штейнберг.
Группа Русских Анархистов
в Германии Волин.

Представитель Московского Комитета помощи анархистам А. Беркман.

С подлинным верно:

Секретарь М. Мрачный.